

Они слепы

♦ Зрячий Бог ♦

МАРИЯ ЩЕДРИНА

18+

Риа Камомиру

Они слепы: Зрячий Бог

<https://litres.ru/74354253>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мариус с детства служит Зрячему Богу, но не верит ни в него, ни в короля, а в жизни давно разочарован. Да и может ли быть иначе, если ты всю жизнь лжешь и боишься, что тебя могут убить? Всё меняется с появлением в его маноре странного незнакомца.

Ви с детства зовут Везучей, но ей, простой Фирэльской работнице, всегда хотелось большего. Ви знает: она рискнёт чем угодно, чтобы забраться повыше. Вот только как она поступит, если такой шанс и правда появится?

Рауль - принц Ардии, но его жизнь далеко не так хороша, как её описывают в сказках. Он понимает, что никогда не сможет жениться на девушке, которую любит, и совсем не понимает, как король-отец и другие взрослые способны проворачивать жестокие многоходовые интриги. Но ради выживания и защиты близких даже подростку придётся вступить в запутанную дворцовую игру.

Пэр-священник, бедная иностранка и принц, у которых из общего только способность видеть в стране слепых. Смогут ли они добиться того, что хочет от них сам Зрячий Бог?

Содержание

Эпиграф	4
Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	37
Глава четвёртая	63
Глава пятая	91
Глава шестая	110
Глава седьмая	127
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Они слепы: Зрячий Бог

Эпиграф

*Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни чёрной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб погубить их.
Гомер - «Одиссея»*

Глава первая

Мариус верил: если бы не Румата, все они были бы живы.
Если бы только он не появился!

...Всё началось в самый разгар летнего месяца шалёра. Воздух казался особенно тяжёлым, жара влажно целовала в лоб, оставляя испарину и распаяя кожу, и лишь редкий ветерок с далёкого моря приносил желанное облегчение.

Стоял полдень, вязкий и горячий, пахнувший насыщенным ароматом воска. Солнечные лучи почти не достигали закрытой, на совесть сделанной исповедальни. Мариусу, впрочем, они были и не нужны: он знал эту маленькую, старую комнатушку своего манора вдоль и поперёк, от бесполезных для большинства прихожан узоров, что изящной паутиной оплетали дверцу и потолок, до последней трещинки в полу. Когда проводишь в каком-то месте по несколько часов чуть ли не каждый день, оно волей-неволей врезается в память.

Ладонь Мариуса, тонкая и сухая, как у больного или учёного, возлежала на голове женщины средних лет. Пальцы отчётливо ощущали, что мягкие волосы герцогини де Менсон слиплись от помады и запутались в сетке, поддерживающей причёску. Это внушало Мариусу необъяснимое отвращение, от которого хотелось немедленно вымыть руки. Возможно, правда, что противно ему было вовсе не из-за головы дамы, а из-за того, что скрывалось внутри неё.

Вот уже четвёртый год подряд герцогиня изводила Мариуса своими исповедями. Она относилась к Зрячему Богу до тошноты почтительно и педантично посещала манор каждый месяц. Вернее, на службах она появлялась раз в неделю, только исповедовалась чуть реже.

Каждый её рассказ о собственных дурных поступках длился по меньшей мере два часа. Мариус искренне не понимал, как можно с таким удовольствием и так долго перечислять свои провинности перед Зрячим Богом. И, возможно, он бы решил, что это не его, Одноглазого Пэра, служителя Зрячего Бога, дело, но одна исповедь госпожи де Менсон была омерзительнее другой. В позапрошлом месяце, рассказывала герцогиня, она изменила мужу с садовником, а чуть раньше – с молодым виконтом, которого повстречала в театре. В прошлом месяце любовников было двое. И это ещё очень краткое изложение! Уважаемая леди не скупилась на подробные описания содеянного, словно каждое слово, каждая деталь, стоит о них сказать, приблизит её к прощению Зрячего Бога. На деле же герцогиня де Менсон лишь приближала запас терпения Мариуса к нулю.

«Отлучить бы тебя от манора, курица развратная!» - с раздражением думал Мариус, выслушивая щебетание, начисто лишённое раскаяния.

Он, однако, прекрасно понимал, что не сможет этого сделать. Герцог де Менсон, муж этой странной женщины, был префектом, самым важным человеком в Бребордской про-

винции, а Мариус – лишь жалким служителем жалкого манора в никому неизвестной деревушке, каких в Ардии вообще и в Бреборде в частности бесконечное множество. К несчастью, деревушка Мариуса привлекла герцогиню де Менсон своей близостью к городу, а он сам – своей молодостью и всё тем же терпением. Вероятно, если бы хоть один из этих пунктов был иным, Мариусу сейчас не пришлось бы отпускать грехи влюбчивой аристократке. Увы, у Зрячего Бога, в которого Мариус не очень-то верил, были другие планы на этот счёт.

- А потом он поцеловал меня напоследок, - мечтательно закончила герцогиня де Менсон своим певучим голосом, - и ушёл.

Её неспособные видеть глаза, похожие на два ровных облака и так сильно отличающиеся от глаз Мариуса, казались ярче, чем были. В одной старой книге Мариус когда-то прочёл поэтичное название этого явления, хотя не сразу понял, что оно означает. *Сверкать*. Её глаза сверкали. Если верить всё той же книге, это значило, что дама говорит с настоящей страстью. Мариус охотно в это верил.

- Зрячий Бог простит меня? – с надеждой спросила она.
«Едва ли. Но если я скажу правду, меня, в свою очередь, уже не простит бребордский гардье».

Дело в том, что герцог де Менсон не только был префектом, но ещё и жертвовал огромные деньги Бребордской Гардьере. Во всяком случае, так говорил гардье – главный Одно-

глазый Пэр Бреборда. Мариус и его манор ни диза не получали от щедрых пожертвований, но попробовал бы он слово сказать! Чего доброго, старик-гардые не поленится раскопать его, Мариуса, историю и узнать его тайну... В таком случае его казнят, точно казнят! А перед этим запытают так, что повешение покажется счастливым избавлением. И неважно, что пятнадцать лет назад Лоран III запретил пытки – Мариус прекрасно знал, что ардийская соверия практикует их до сих пор.

Не то чтобы Мариус сильно цеплялся за свою жизнь, унылую и однообразную, но умирать по глупости ему не хотелось. Лучше уж подыгрывать герцогине де Менсон. В конце концов, от него не убудет, а даме приятно.

Поэтому сейчас Мариусу оставалось лишь улыбнуться. Он знал, что герцогиня не увидит улыбки, как никогда не увидит и всего остального, однако это движение позволило придать голосу дружелюбные нотки:

- Конечно, Ваша Светлость. Зрячий Бог всех прощает. Я, правда, сочту уместным дать Вашей Светлости совет быть несколько... Сдержаннее. И в отношениях с другими господами, и в... Своей исповеди.

Мариус давал один и тот же совет после каждой череды издевательств под названием «Рассказ герцогини де Менсон», и каждый раз его пропускали мимо ушей. Он уже давно потерял надежду достучаться до своей прихожанки, но отчего-то продолжал раз за разом именно так заканчивать свою

исповедь. Капля за каплей вода камень точит – а вдруг...

- Да, месье, конечно, - проникновенно отозвалась герцогиня, и Мариус понял, что никакого волшебного «вдруг» не произойдёт, во всяком случае, в этот раз. Потому что подобным образом эта дама отвечала ему каждый проклятый месяц.

Точно также, как десятки раз до этого, герцогиня де Менсон провела костлявыми пальцами в перчатках по раме в стене между частями исповедальни. Нашупала борозды, указывающие, где находится выход, едва не ударив Мариуса по носу. Медленно поднялась, прямая, как дуб, каких много растёт вокруг манора. Мариус мог бы встать и выйти без этих лишних действий, но безопасность была важнее, поэтому он проделал всё тоже самое. Пожалуй, шурша по дереву даже более старательно и громко, чем требовалось.

Взяв герцогиню за руку, Мариус довёл её до двери. Не давать даме щупать борозды или утруждать себя осязанием на расстоянии, свойственным ардийцам, считалось благородным поступком.

Его простые сапоги громко стучали по кафелю, когда-то будто состоящего из одинаковых по размеру, но разных по тому странному виду, что иностранцы называют цветом, лоскутков, а теперь однообразному. Туфли герцогини де Менсон несли её беззвучно. Мода Ардии касалась звуков и ароматов: чем изящнее запах и тише обувь, тем человек богаче. Жена префекта была очень богата.

Личная карета ждала герцогиню прямо напротив дверей манора. Кучер мирно дремал на козлах, служанка и компаньонка сплетничали внутри – Мариус видел длинношее фи-гурки, одну с такой же сеточкой, как у герцогини, другую в платке, с жаром склонившиеся друг к другу. Заслышав шаги, девицы резко, но сохраняя достоинство, отклонились каж-дая к своему сидению. Мариус подумал, что такая скорость возможна только в том случае, если спутницы обсуждали хо-зяйку.

Всё ещё старательно изображая из себя джентльмена, Ма-риус подождал на улице, пока герцогиня де Менсон не до-бралась до кареты. В эту минуту он впервые за день насла-ждался блаженным безмолвием. Слышно было только фыр-канье лошадей, шелест дубовой листвы на ветру да постуки-вание тросточки дамы по плитке. Трости тоже были не толь-ко необходимой в стране незрячих вещью, но и поводом для гордости. Мастера по их изготовлению постоянно соревно-вались в прочности и замысловатости своих товаров. И пусть из всего окружения Её Светлости, кроме нее самой, разве что Мариус был способен по достоинству оценить объемные, сложные узоры на боярышниковой трости с фарфоровым на-балдашником, и то он не смог бы об этом сказать, даже ес-ли бы хотел, её самолюбие наверняка очень тешило, что муж отдал за эту игрушку по меньшей мере пару тысяч ардов.

Зашуршав юбками и вцепившись пальцами в борозды на поручне кареты, герцогиня де Менсон наконец забралась

внутри. Как можно громче стукнув каблуками на прощание, чтобы дама знала, как её, можно сказать, личный Одноглазый Пэр о ней заботится, Мариус вернулся в манор.

Он думал было ещё немного послушать прекрасную тишину, разбавляемую лишь запахами свечей и лёгким ароматом духов дамы. Однако, не успел он дойти до центра манора, по ушам резанул треск. Когда Мариус предположил, что именно могло издать этот звук, его сердце ухнуло в пятки.

Обернувшись, он с возвращающимся раздражением скрипнул зубами. Догадки подтвердились: треск издала скамья.

В маноре Мариуса, рассчитанном на одну маленькую деревеньку, скамей было всего десять, все как одна старые, но почему-то только эта, третья с конца, постоянно ломалась. Ножка то и дело подкашивалась каждые две недели. Вот и сейчас она снова подвела Мариуса, и вся длинная скамья скособочилась, как жених-романтик, делающий предложение, стоя на одном колене.

Мариус вздохнул и покачал головой. Всего в его маноре служили трое: он сам да две женщины. Значит, починка скамьи ложилась на его плечи, а чинить Мариус не любил. Особенно скамью в его старом бедном маноре. Особенно после визита герцогини де Менсон, муж которой жертвовал огромные деньги Бребордской Гардьере. Деньги, тысячной доли которых хватило бы с верхом, чтобы хоть сколько-нибудь обустроить крохотный деревенский манор!

* * *

Мариус чинил скамью.

На самом деле, это было несложно. Когда Мариуса только прислали в Бреборд, он не умел держать в руках ничего тяжелее стилоса и кадила. Однако крепкие бребордские мужички-крестьяне, осыпая выдавший виды манор не менее крепким словом, за каких-то пару недель обучили совсем ещё мальчишку Мариуса, как обходиться с инструментами.

Вспомнив об этом, Мариус ощутил, как что-то свернулось на сердце тёплым котёнком. Сколько ему тогда было? Лет восемнадцать, не больше? Да, точно – Мариус торчит в этой забытой Зрячим Богом деревне уже восьмой год. А ведь, когда он только сюда приехал, то был совсем иным человеком. Почти наивным и даже не лишенным жизнелюбия. Он ещё восхищался этими мужиками, которые, отвернув белоглазые лица в противоположную сторону, забивали гвозди в скамейку на ощупь не в пример лучше способного видеть Мариуса. Пожалуй, сейчас он скучал по тем временам.

Свечерело. Теперь не только в исповедальне, но и в маноре царил полумрак. Мариус, однако, несмотря на некоторые свои особенности, был уважающим себя ардийцем, а потому вполне себе мог разделаться с ремонтом и сейчас. Пришлось научиться делать такие вещи наощупь: мало ли, кто-то заметит, что для местного Пэра есть разница, светит солнце, или

ночь и стены скрывают его? И, конечно, зададутся вопросами, а то и вовсе сразу донесут соверам.

От мыслей о последних рука Мариуса сжала молоток так сильно, что ногти впились в ладонь. Впрочем, к его чести нужно сказать, что свои чувства он выдал лишь этим жестом, который большая часть ардийцев и не заметила бы: он не прекратил мерный стук, продолжая вбивать страшно представить который гвоздь в многострадальную скамью. Вот то, чему его по-настоящему хорошо учил сердобольный Пэр и служительницы манора с самого раннего детства, то, что закладывали ему в голову получше текстов Зрячего Ливра: хочешь жить – какие бы эмоции не испытывал, сохраняй самообладание. Не дай им понять, что ты умеешь видеть. Не дай своей почти сверхъестественной силе, зрению, стать твоей слабостью. Мариус хотел жить. Научился и этому. А потом умение изображать сдержанного слепца так вошло в привычку, что даже захоти он сдаться властям – не смог бы, наверное. Слишком вошёл в роль.

В маноре было тихо. Не так, как днём после отъезда герцогини де Менсон. Тогда тишина звучала – шепталась природа за окнами манора, шуршали, наводя порядок, молчаливые уборщица и свечница. Манор бодрствовал, дышал, ворчал, как большой, но дряхлый зверь. Теперь же он словно уснул. До ушей Мариуса, утомленных стуком молотка, не долетали песни сверчков, а служанки, больная мать и её дочь-подросток, уже удалились спать: они соблюдали строгий режим.

Мариуса всегда удивляло, что даже потеряв зрение, ардийский народ вот уже три века просыпался по утрам и засыпал по вечерам, никак не изменив этот порядок. Как можно засыпать на закате и встречать рассвет, не видя солнца? Иногда Мариус ненавидел свои глаза. Если бы он был таким же, как другие, то не задавался бы подобным вопросом, как и множеством остальных. Ученые люди, правда, говорили, что задавать вопросы – хорошо, но Мариус служил не науке, а Зрячему Богу. Который не очень-то жаловал чересчур любопытных.

Когда Мариус убедился, что достаточно укрепил ножку и даже не сильно погнул гвозди в процессе, то рискнул поставить скамью обратно. Какое-то время он с замиранием сердца держал руки над сиденьем, чтобы поймать эту деревянную старушку, если её снова подведёт нога, но скамья встала вполне устойчиво. Мариус, прежде подметавший полы одеянием и собранными в косу длинными волосами, поднялся и вздохнул с облегчением. На пару недель должно хватить, особенно если попросить свечницу Анну и её дочурку Люси усаживать на эту скамейку детей и тоненьких легких девиц. И тем, и другим службы всё равно мало интересны, могут посидеть и сзади.

Вдоволь полюбовавшись на своё творение, Мариус уже хотел было пойти в келью, где его ждала скромная, но уютная кровать и много раз перештопанное Анной шерстяное одеяло. Неплохо было бы ещё поесть, но будить служанок

не хотелось, а Мариус на кухне был что собака в игре в кегли: будучи зрячим, он скорее зарежет ножом для мяса себя, чем что-то сообразит, в отличие от Анны, которая готовила самые настоящие шедевры. Впрочем, мысли о служанкиных салатах из козьего сыра и потофё Мариус постарался отбросить куда подальше. Живот и без того давно мурлыкал от голода, а так, чего доброго, он ещё слюнями истечет. Страшно подумать, что бы сказали, узнав об этом, его прихожане!

Громкий мерный стук в дверь не только вырвал Мариуса из уютных грёз, но и заставил его, обычно спокойного, вздрогнуть. Двери его манора, конечно, всегда открыты – так он говорил прихожанам, но... Сейчас уже почти ночь. Жители деревушки спят или, на крайний случай, готовятся ко сну. Кто же это может быть?

«Соверы?» - в каком-то первобытном страхе подумал Мариус. Он вспоминал своих главных врагов уже второй раз за очень краткий срок, и это пугало едва ли не больше самого стука. - «Неужели... Где я ошибся?».

Он, впрочем, тут же постарался собраться и стёр рукавом сутаны проступивший на лбу пот. Паника – его главный враг. Да и вообще, не Мариус ли давно решил для себя, что ему плевать? Не догадались соверы – спасибо Зрячему Богу, догадаются – хотя бы в могиле Мариуса будет ждать покой, лишённый страха и скуки. А может быть, это вовсе не соверы.

Неспешным и уверенным шагом Мариус направился к двери. Если бы он верил в Зрячего Бога, то, наверное, сей-

час молился бы ему изо всех сил. Проблема в том, что, хоть Мариус ему и служил, он не верил. Когда-то, может, было наоборот, но вот уже много лет как Мариус рассудил, что не может высшее существо сначала погрузить целую страну во мрак, а затем устроить гонения на тех, кто остался здоровым. А если и может, едва ли оно достойно поклонения.

Подобные рассуждения, конечно, не достойны Одноглазого Пэра. Быть может, будет справедливо, если Мариуса казнят... Быть может, Зрячий Бог все же существует и вот сейчас послал Мариусу свою кару...

Ноги Мариуса показались ему ватными, одновременно чересчур мягкими и негибающимися. Сердце колотилось так, что, казалось, ещё чуть-чуть – и оно допрыгает до горла. А то и вовсе вылетит из тела, как певчая птичка из клетки бродячего артиста. И это у него, не особенно цепляющегося за жизнь! Пожалуй, это даже забавно.

Какая-то часть Мариуса требовала не открывать дверь, а бросится бежать, выскочить через окно, мчаться, не разбирая дороги. Однако он понимал, каким глупым был бы этот поступок. Если соверам нужно, они найдут его везде, не покидать же Ардию из-за них! А если это не соверы, Мариус, пожалуй, опозорит своим поступком всю гардьеру. Шутка ли – Одноглазый Пэр сбежал от прихожанина!

Пока Мариус шёл, настойчивый стук повторился ещё пару раз. Но вот, наконец, ему удалось заставить себя приблизиться к крепким большим дверям – немногим частичкам

манора, в которых Мариус был уверен, как в себе. Эти не то что от старости не развалятся, их, наверное, и таран не выбьет.

Но что не выбьет таран, то с лёгкостью вынесут соверы. Во всяком случае, так казалось Мариусу.

Рука его, снова по привычке, слепо поездила по двери, прежде чем нашла засов, хотя он прекрасно видел, где тот находится. Да и слепой, верно, запомнил бы, где тот находится – иногда Мариус, пожалуй, переигрывал.

Открывался изнутри засов легко, но даже это движение далось Мариусу непросто. В голове так и звучало на разные лады: «Соверы, соверы, соверы». Толкнуть дверь также получилось не сразу.

Больше всего Мариус ожидал увидеть соверов – суровых мужчин в разной по цвету, но сходной по фасону форме, с пехотными полусаблями, коими они владели получше зрячих благодаря вышколенному осязанию на расстоянии. Со звонкими украшениями на сапогах, что при ходьбе звенели на всю округу, сообщая всем присутствующим о том, кто идёт.

Каково же было его удивление и облегчение, когда открытую дверь придержала трость! Их соверы с собой никогда не носили, Мариус знал это точно.

Трость была дивная: не изящная палочка герцога и не простая крестьянская деревяшка, она не напоминала никакую из тех, что Мариус видел прежде. Цвет, как у травы, массив-

ная, словно нога жеребца, и разукрашенная узорами. Мариус так и застыл на месте, тупо глядя на неё.

Следом в дверь просунулось лицо, такое же незнакомое. Юное, очень юное – черты такого возраста Мариус видел, склонившись над водной гладью реки, ещё до приезда в его манор. С кожей, похожей на парное молоко, и в ореоле волос цвета солнца, когда оно недостаточно яркое и глаза не слезятся, глядя на него. Улыбающееся. Словом, последнее лицо, какое можно представить, когда только что чуть не умер от страха, думая о соверах.

Мариус не знал, сколько времени провёл, в ступоре разглядывая ночного гостя и успокаивая расшалившиеся нервы. Очнулся он, лишь когда услышал голос. Тот был под стать владельцу: юношеский, с уже скользящими в нём низкими мужскими нотками, но по-детски мягкий и звонкий, будто перезвон самых маленьких колокольчиков манора.

- Простите, что так поздно, я немного заплутал. Не пустите переночевать, месье Одноглазый Пэр?

Глава вторая

Мариус знал, что ведёт себя неучтиво и совершенно неподобающе Пэру, но продолжал стоять, глядя на юношу.

Он попросился переночевать? И только? Но почему? На путника юноша не похож: одежда чистая, к тому же, весьма дорогая: сюртук, жилет, лёгкие брюки, хорошие, наверняка бесшумные сапожки на каблуке. Такие молодые люди если и путешествуют, то на паровозах или в каретах. Но даже если не глядеть на одежду... С чего это он ночью поплелся в манор? Сейчас попрохладнело, птицы притихли, можно понять, какое время суток настало, а Одноглазые Пэры проводят ночи в кельях, но никак не в манорах. Это Мариус задержался со своей скамьей!

Перепутать манор с другим зданием тоже невозможно: на дверях ардийской объемной грамотой слепых выведено, что это за здание. Так что привело юношу именно сюда? Откуда он узнал, что Мариус будет здесь и что ему нужно на самом деле?

«Я слишком нервничаю», - покачал головой Мариус. - «Причём абсолютно зря. Это глупо. Мне это не по статусу». Но он не успел прийти в себя.

- Месье Одноглазому Пэру, должно быть, любопытно, - своим бархатным голосом протянул юноша, взмахнув тро-

стью и сделав шаг в манор. Мариусу пришлось немного отойти, чтобы пропустить его. – Почему я пришёл именно сюда. Я почувствовал, что найду месье Одноглазого Пэра здесь, несмотря на поздний час, - с этими словами юноша склонил голову набок. – И не ошибся.

Мариуса словно ледяной водой окатили.

Этот молодой человек только что... Прочел его мысли?

Не может быть. Невозможно. Королевской династии и зрячие-то кажутся еретиками-чернокнижниками, а тут человек, который видит не головы, а то, что внутри них! Таких людей попросту не существует. Также, как, скажем, нечисти. Или как Зрячего Бога.

Мариус судорожно втянул воздух, отчаянно надеясь, что юноша этого не заметил. Совпадение. Простое совпадение. Он раздумался о соверах, вот и лезет в голову чушь. А это простой юнец. Быть может, сбежал из гимназии или университета и бредёт к родителям. Или, напротив, ушёл из дома после ссоры с родственниками. Люди в этом возрасте часто говорят романтическими фразами, вот и он просто поздно понял, который час, а сказал, что почувствовал.

- Проходите, месье, - наконец смог произнести Мариус. Прозвучало вполне себе спокойно и уверенно. Уроки, данные с детства, давали о себе знать. Говорил Мариус, как мог бы на его месте слепой Одноглазый Пэр, верящий в Зрячего Бога, который никогда в жизни не трясся при упоминании соверов. – Манор Зрячего Бога открыт для всех, кто ищет

приют, в любое время.

«Попробовал бы ты заявиться посреди ночи в любой другой день, идиот малолетний! А любой другой Пэр на моём месте, если бы ты его так напугал, и вовсе тебя бы отлучил!» - не удержался Мариус от того, чтобы мысленно выругаться не хуже рыночной торговли. Что-то он сегодня всех хочет отлучить от манора, но никого не может. Это раздражало. Вот наказал бы так парочку, и эти готовые облизывать Зрячего Бога людишки мигом бы стали воспитаннее!

Мариус снова вздрогнул, когда его незванный гость усмехнулся. Неужто правда подслушивает? Нет, точно нет!

Юношу не нужно было приглашать дважды. Вполне себе по-хозяйски, будто это он провёл всю жизнь в манорах, а не Мариус, он прошёл вдоль скамей почти до самого центра зала. Его обувь была беззвучна – действительно дорогая. Сжав губы в тонкую линию, Мариус последовал за ним.

- Могу я узнать имя месье? – поинтересовался он.

Юноша улыбнулся и снова склонил голову набок. Мариус вдруг вспомнил, что так частенько делают собаки, когда им показывают лакомый кусочек. Или кошки, которые высматривают мышь. Юноша выглядел моложе Мариуса лет на семь, не меньше, но отчего-то у него складывалось ощущение, будто этот невесть откуда взявшийся незнакомец с ним играет. Причём он, Мариус, в этой игре кто-то вроде безмозглой игрушки. Понимать это было неприятно.

А ведь он всего лишь спросил имя!

Мариус поежился. А юноша всё стоял и пронизывал его взглядом... Мариус мысленно осек сам себя. *Взглядом?* Каким-таким взглядом? Разве мог у этого юноши быть взгляд? Экстравагантная трость, тихая обувь... Он богач, а богачи не рождаются зрячими, значит, взгляда у них быть не может! Зрячие – отбросы, и порождают их только такие же отбросы. Родители Мариуса, например, уж точно не были богачами. Иначе его едва ли принесли бы к крыльцу манора недельным младенцем. Тем более что в тот момент он был ещё слишком юн, чтобы родители узнали, что он неправильный... Что он видит.

- Румата, - ответил наконец юноша. И снова отвернулся к центру манора.

«Румата», - мысленно повторил Мариус. Это имя течением быстрой реки Бувазы смыло всё остальное, что было в голове и заставило задуматься на другую тему. Румата. Это имя или фамилия? В любом случае, оно не ардийское, иностранное. Корнерлендец, что ли? Нет, между Бребордом и Корнерлендом, конечно, расстояние меньше, чем между ним и другими ардийскими провинциями, но все-таки, что молодому человеку оттуда здесь делать? Едва ли провинциальные ардийцы будут рады чужаку из этой страны. Говорил Румата, правда, вполне чисто, без жуткого корнерлендского акцента. Откуда он тогда? Турист из какой-нибудь Гарении? Но Мариус видел горячих, с кожей цвета меди гаренийцев. Нагловатый спокойный юнец, больше напоминающий фар-

форовую куколку, какие продают заезжие иностранные торговцы, на них совсем не походил. Может, всё же какой-то корнерлендский шпион? Газеты писали, что последнее время их развелось немало, хотя Мариусу это всегда казалось ложью. Правда, подумав так, Мариус тут же встряхнул головой. Этак можно и с ума сойти! Какой шпион? Разве он, умея так хорошо говорить по-ардийски, стал бы тогда представляться иностранным именем? А даже если шпион и стал бы, Мариуса ли это дело? Пусть соверы за ним гоняются. Пока у них есть шпионы, Мариус может спать спокойно. Вернее, спокойно он не спит никогда, но так вообще спать может.

- Вам, вероятно, будет угодно отдохнуть после дороги, месье Румата? – вежливо поинтересовался Мариус, когда понял, что снова замолчал на неприлично долгое время. К тому же, ему не нравилось, что мальчишка расхаживает по манору, как по собственным покоем. Уж лучше пусть посидит где-то сзади. – Четыре шага назад, один влево или вправо и чуть наклонитесь. Сможете нащупать борозды на спинке и сесть.

- Благодарю вас! – отозвался Румата. Он послушно отправился к скамьям, явно, правда, не считая шагов и даже не пытаясь найти борозды. Голосок его звучал весело, а лицо рисковало треснуть от чересчур широкой улыбки. Мариусу показалось, что проклятый ночной гость смеётся над ним.

«Точно иностранец!», - решил Мариус. - «В темноте не разглядел, что я зрячий, как и я его не разглядел, и предвку-

шает, что повеселится со слепым дураком-Пэром».

Румата тем временем плавно опустился на вторую с начала скамью. Чуть отодвинулся и приставил свою странную трость к спинке первой. В бедном и тёмном маноре эта травяная диковинка смотрелась не менее чуждо, чем сам Румата, маленький и нарядный, рядом с высоким Мариусом в его потертой сутане и тяжёлых сапогах. Вздохнув, мальчишка с явным удовольствием вытянул тонкие, как у оленёнка, ноги, и запрокинул назад свою солнечную голову. Мариус подумал, что, возможно, ошибался во всех своих подозрениях. Может, он правда обычный сынок богача, которому папаша дал вычурное заграничное имя, и правда долго шёл пешком. Вид у Руматы был хоть и раздражающе-веселый, но усталый.

«Я устал не меньше», - оборвал начавшие было пробиваться ростки сочувствия к гостю Мариус. - «Он, небось, из баловства убежал, а я был занят делом. Попробовал бы он отслушать эту шлюху де Менсон, потом помочь Анне по хозяйству, затем отслужить вечернюю молитву Зрячему Богу и починить треклятую скамейку! У меня вся спина затекла!».

И снова Румата, нарочно или случайно, заставил Мариуса вздрогнуть. Не успел тот довести мысленный монолог до конца, как Румата взмахнул своей тонкой аристократичной ручонкой.

- Садитесь тоже, месье Одноглазый Пэр. Вы, кажется, устали за этот день не меньше моего?

«И сяду!», - с каким-то отчаянием подумал Мариус. - «Я

уже устал додумывать, кто ты, и пугаться. Да хоть сам модье!».

Он подошёл и сел. Не так, как Румата – аккуратно, словно корнерлендский танцор – в Корнерленде, говорят, танцуют на публику, как в древние времена, и до сих пор ценят искусство не только беззвучно, но и приятно для глаз управлять своим телом. Скорее резко и тяжело, будто крестьянский мужичок, пришедший на вечернюю молитву, и больше довольный скамейке, чем возможности пообщаться со Зрячим Богом. Опустился он, правда, на самый край, прислонившись чуть ссутулившейся спиной к жёсткой спинке скамьи.

Какое-то время посидели молча. Румата думал о чём-то своём, Мариус пытался подавить раздражение: в конце концов, его гость только что предложил ему сесть в его собственном маноре!

Когда Мариус почувствовал, что глаза его начинают слипаться от усталости, то снова ощутил на себе взгляд Руматы. Он так и не мог понять, зрячий Румата или слепой, действительно ли видит, или просто достаточно самонадеян и ловок, но пялиться на него в ответ, чтобы проверить, не решался. Однако, как бы то ни было, ощущение чьего-то взгляда не доставляло удовольствия. Мариус поежился, и накотивший было сон как рукой сняло.

Румата будто этого и ждал. А может, для того и смотрел. Если он все-таки был способен смотреть, конечно.

- А как же вас зовут, месье Одноглазый Пэр? - поинтере-

совался он. И, как бы смутившись, тут же пояснил: - В первом же маноре, который попадётся после вашего, я попрошу другого Одноглазого Пэра молиться Зрячему Богу о вашем здоровье.

Мариусу не хотелось говорить. Казалось, тихая, величественная прохлада манора рассыплется в прах, стоит ему открыть рот. И уж тем более произнести своё имя. Его Мариус не любил, как и многое другое, связанное с ним. В переводе с древнеардийского Мариус значило «могущественный», и в качестве имени для провинциального зрячего Пэришки, трясущегося от малейшего упоминания соверов, звучало как насмешка.

Однако Румата говорил так возвышенно и вежливо, что Мариус решил если не говорить прямо, то хотя бы ответить в тон ему:

- Возможно, ночь так влияет на меня, месье Румата, но отчего-то кажется, что вам под силу угадать это.

В конце концов, если он бребордец, то наверняка слышит на каждом балу трескотню герцогини де Менсон о чудеснейшем юном Одноглазом Пэре. А если нет, то Мариусу едва ли что-то будет от такой уклончивости – завтра мальчишка продолжит свой путь, а через пару дней о нём и не вспомнит. И уж, конечно, не станет просить о нём Зрячего Бога. Учитывая, что Мариус Румату никогда прежде не видел, он склонялся ко второму варианту.

Мариус думал, что Румата отшутится или продолжит до-

прос из праздного любопытства, но тот вдруг сменил позу. Не успел Мариус понять, что происходит, а Румата уже не сидел расслаблено, вытянувшись в струнку, а склонился над ним, будто лекарь, изучающий больного.

Мариус с трудом сдержался, чтобы не отпрянуть. Лунный свет падал на нежное, как лепесток розы, почти детское личико Руматы, и сверкал в его глазах. Не пустых, как у большинства ардийцев! В центре глаз были точки, похожие на крохотные бездны, а окружало их нечто вроде колец, напоминающих безоблачное небо. Любой корнерлендец мог бы описать это иными словами, но Мариус понятия не имел, как называются эти странные штуки в глазах. Он знал только, что у него такие же, только кольца больше похожи на древесную кору. А ещё знал, что это показатель – перед ним дурной человек. Неправильный. Зрячий. Такой же, как он, Мариус.

А Румата продолжал пронизательно и бесстыдно его разглядывать. Наконец на его мягких губах заиграла улыбка.

- Мариус, верно? – с азартом ребёнка, который наконец вспомнил ответ на трудный вопрос учителя, спросил он.

Вот теперь Мариус отшатнулся. И явственно ощутил, как по его лбу холодным потом стекает отступивший было страх. Доводы, что мальчишка может быть местным и знать его имя, отчего-то испарились из головы. Либо Румата устроил слишком хороший спектакль, либо...

Неужели все-таки читает мысли?

«Нет. Нет», - начал было привычно успокаивать себя Ма-

риус. - «Это всё де Менсон рассказала ему. Может, он тоже её любовник...».

Но это не помогло. Мариус сам не заметил, как это произошло, но в какой-то момент он расслышал сорвавшиеся с его собственных губ слова:

- Да кто вы такой?

Голос его, не в пример бешено колотящемуся сердцу, прозвучал очень уж тихо. И сипло. Мариус облизнул губы и ощутил, какими они стали сухими. Горло тоже пересохло, как ручей в сильный зной.

Румата посмотрел на него с изумлением. Сдвинув такие же солнечные, как и его шевелюра, брови, он нахмурился. Затем до него, кажется, дошло, что он напугал Мариуса. По крайней мере, он вновь вернулся в ту позу, какую изначально занял на скамье. Мариус всё это время сидел молча, не шевелясь, словно любое его движение могло превратить чересчур догадливого незваного гостя в совера.

- Вы меня испугались, месье Одноглазый Пэр, - наконец удивлённо проговорил Румата. – Но ведь вы сами задали вопрос, а я только на него ответил. Не стоит задавать вопросов, на которые не ждёте ответа. К тому же, как я уже сказал, я ответил на вопрос, - с удивленного тон Руматы сменился на прежний, озорной. Он наклонился вперёд и повернул голову, снова впившись небесными зрячими глазами в Мариуса. Теперь он, правда, по крайней мере сохранял приличное расстояние. То, какое должно быть между Пэром и юным

путником, остановившимся в маноре на ночь. - По-моему, теперь ваша очередь. Скажите, кто *вы*, и тогда я отвечу на ваш второй вопрос.

Мариус нахмурился. Потом провёл рукой по лицу и своим длинным, того же цвета, что и деревья за пределами манора, волосам. В нём боролись желания убежать, схватить за шкирку и выкинуть отсюда наглого чудака-мальчишку и... Набраться терпения, остаться и продолжить разговор. Испуганное сердце и раздражённый разум подсказывали первое и второе, но Мариус, немного подумав, выбрал третий вариант. Юноша необъяснимо пугал его, но пока не представлял опасности. Выгонять же... Зрячий Бог велел своим последователям быть терпеливыми. Какой Мариус Пэр, если он способен выслушивать истории о любовных похождениях, но не в состоянии выдержать молодого гостя, который наверняка наслушался корнерлендских историй о каких-нибудь медиумах и решил изобразить из себя кого-то похожего, перчинки ради – перед слугой Зрячего Бога.

- Я – Одноглазый Пэр, - медленно, всё ещё силясь утихомирить сердце, которое думало не так быстро, как голова, отвечал Мариус. – Моё имя Мариус, как вы угадали, хотя мне неизвестно, каким образом. Я сирота, фамилии у меня нет. Воспитали меня в маноре при деревне Верхняя Буваза, поэтому, если угодно, можете звать меня Мариус из Бувазы или Мариус из Бреборда. Этого довольно?

Он надеялся, что на этом Румата отвяжется от него. На-

верное, Мариусу уже пора было привыкнуть к тому, что этот юнец слишком навязчив. Совсем позабыв о правилах поведения в маноре, Румата закинул ногу на ногу. Его дорогой сапожок сверкнул корнерлендскими украшениями в свете луны, как совсем недавно сверкнули глаза. Пожалуй, учитывая, что луна сегодня прорезалась в небе тонким растущим серпом, не слишком ярким, это было даже странно.

- Нет, - с улыбкой покачал он головой. На Мариуса Румата больше не глядел, обратил всё внимание на свою странную травяную трость. Он повертел её в руках, будто впервые узнав о её существовании, и лишь затем продолжил: - Вы сказали, что вы Одноглазый Пэр. Но Одноглазых Пэров много, а вы один. Мариус из Бреборда... Или из Бувазы. Уже лучше, но уверен, и таких набралось бы несколько. Значит, это всё ещё не вы, - продолжая улыбаться, Румата отложил трость и вновь посмотрел на Мариуса. – Так кто *вы*?

Мариус задумался. Эта игра ему не нравилась, особенно учитывая, что давно наступила ночь, и ему страшно хотелось спать, а отвечать на странные вопросы странного юного господина не хотелось совсем. Однако слова Руматы показались ему любопытными. *Кто ТЫ*. Обычно людям в ответ на этот вопрос хватало имени или профессии. Румате хотелось большего. Мариус вдруг понял, что он прав. Ведь *Я* – это нечто большее, чем имя или профессия...

«Ну и кто же я? Что ему ответить?».

Перед Мариусом пролетели кусочки его недолгой, одно-

образной, жалкой жизни. Вот он – дитя, которому сердобольная старуха, моющая полы в маноре, отвечает пощёчины за то, что снова проболтался о своём зрении. Это, мол, опасно, маленький дурачок, убьют, не посмотрят, что ты шестилеток. Вот он – подросток, худой, сколько бы не съел, и уличные мальчишки смеются над ним, потому что он поёт в Зрячем Хоре вместе с девицами и чистит овощи на обед со старухами. А вот – юноша вроде Руматы, что до рассвета сидит с книгами. Старыми, которые читают глазами, и новыми, что читают пальцами. И, наконец, мужчина, только какой? Пэр, которому нельзя ни заводить жены, ни иметь детей, который в холод идёт через всю деревню провожать умирающего, а в жару – благословлять новорожденного. Который рано или поздно попадётся соверам, потому что зрячий. Который не может найти утешения даже в вере, как это делают все Одноглазые, потому что как верить в Зрячего Бога, если он не способен узреть кого-то вроде Мариуса и хоть немного облегчить его тяжёлую, как пухлый старый том, и безвкусную, как таблетка лекаря, жизнь?

Ну и кто же он?

«Неудачник», - подумал Мариус.

- Одноглазый Пэр, - упрямо повторил он вслух. Пусть Румата снова прочтёт его мысли или смирится с тем, что Мариус слишком бестолков, чтобы понять суть его вопроса.

Пока Мариус думал, Румата снова начал вертеть в руках свой посох. Услышав его ответ, он вздохнул. Правда, скорее

сочувствующе, чем снисходительно. Или Мариусу так показалось.

- Хорошо, - ответил он и вдруг потянулся. Сладко, сонно, будто кот. – Я отвечу вам также, как вы ответили мне. Кто я? Я Румата. Фамилии не ношу тоже, но по иной, чем вы, причине. Я богат и многие меня любят. Впрочем, немало и тех, кто придушил бы меня во сне, если бы узнал, что я рядом. Я много знаю, а то, что не знаю, могу угадать. А ещё, - он снова потянулся, - я хочу спать. Пожалуй, поздновато для подобных диалогов.

Мариус подумал, что такой резкий поворот разговора в сторону сна наверняка связан с его ответом. «И к лучшему», - решил он. Пора бы уложить мальчишку, а то он скоро невесть что про него думать начнёт. Уже пугался пару раз.

Громко стукнув каблукам, Мариус встал. Сутана зашуршала, а скамейка встретила его подъём жалобным ворчанием. Эта, пожалуй, начнёт подкашиваться следующей.

Румата продолжил сидеть, хотя первый заговорил о сне.

- Вставайте, месье, я провожу вас в келью, - позвал его Мариус, отчаянно надеясь, что мальчишка действительно устал и больше ничего не выкинет.

И снова он ошибся.

Румата опять потянулся, зажмурился и зевнул. Прикрыв рот рукой в шёлковой перчатке, но почти неприлично громко. И улыбнулся.

- Я, пожалуй, останусь здесь, месье Одноглазый Пэр. Ви-

дите ли, я, кажется, немного не рассчитал силы. И едва ли смогу дойти до вашей кельи. Не волнуйтесь, мне приходилось спать на разных местах, так что я спокойно посплю на незастеленной скамейке.

Зубы Мариуса застучали от негодования. Оставить мальчишку здесь? Одного? На всю ночь? И что он тут будет творить? В худшем случае – вконец вообразит себя медиумом и займётся вызовом духов. Маноры и кладбища, поговаривают, самые подходящие для того места. В лучшем – просто поспит, как обещает... Но что это такое, в конце концов! Кто спит в манорах? Не то чтобы Мариус боялся гнева Зрячего Бога, но какое-то уважение к вере народа должно быть! Да и Анна утром придёт и перепугается. Придет-то она раньше Мариуса – он любит поспать подольше.

Мариус уже начал думать, что бы сказать, не выдавая своей злости, и вместе с тем убедить этого Румату лечь, где полагается, но тот снова... Догадался? Оказался достаточно проныцательным? Прочёл его мысли?

- Если вы боитесь оставлять незнакомца одного в своей обители, месье Одноглазый Пэр, поспите тоже здесь, - предложил Румата по-взрослому мелодичным и по-детски жалобным голоском.

- Боюсь, это не слишком хорошая идея, - наконец нашёлся со словами Мариус. Он постарался придать им строгости и, понадеявшись, что этого хватит, пошёл в сторону выхода. Если его суровость и пролетит мимо ушей Руматы, тишина

и, если он видит, темнота манора наверняка быстро его напугают. И убедят выйти следом за Мариусом.

Однако ему, кажется, не суждено было покинуть манор. Что-то сжалось на длинном рукаве сутаны и вместе с тканью чуть потянуло к себе. Это Румата поймал его пальцами.

Мариус остановился. Пожалуй, не сломать сейчас Румате руку в порыве злости его остановил даже не страх, а только абсолютное неумение драться.

- Что вы себе позволяете!?! – прошипел, тем не менее, он, уже не скрывая бешенства, которое постепенно взращивал в Мариусе Румата с первых секунд его появления.

Румата уставился на него тоскливым просительным взглядом.

- Пожалуйста, Мариус, - уже не задорно, как прежде, а печально протянул он. – Выслушайте меня. «Не слишком хорошей идеей» будет выходить на улицу сегодня ночью. Там... Страшное. Прошу, останьтесь. Сами поймете, почему.

«Он просто безумец», - вдруг понял Мариус и даже удивился, что такая мысль не пришла ему в голову прежде. Может, оттого мальчишка и ушёл из дома. В темноте что-то слышалось или привиделось – вот он и поплелся к манору. А теперь боится, что Мариус выйдет, потому что считает, что Пэру могут угрожать видения чужой больной головы. И отвлекал он его, меля чепуху, по той же причине.

В другой момент Мариус, возможно, проникся бы жалостью к столь молодому безумцу, но не теперь, когда он устал,

мальчишка потратил время, которое Мариус мог проспять, дурача его, да ещё де Менсон, и его страхи, и скамья... Словом, Мариус резко вырвал руку и посильнее натянул рукав. Румата аж отшатнулся, но Мариусу это было уже безразлично.

- Успокойтесь, месье Румата, - жёстко бросил он. - Вы, должно быть, подхватили лихорадку в своём путешествии, вот вам и мерещится всякое. Если вам так уж страшно, оставайтесь под присмотром Зрячего Бога здесь. Ни к чему устраивать спектакли. А я ничего не боюсь и пойду к себе. Я, знаете ли, устал.

Румата вздохнул и покачал головой. Так, будто это он был серьёзным мужчиной-Пэром, а Мариус – глупым юнцом. Затем снова взял в руки свой ненаглядный посох. Мариус внимательно наблюдал за ним. Что можно ожидать от странного и, возможно, нездорового незнакомца? Пожалуй, и удара этой деревянной штуковиной по спине или шее. Мальчишка, правда, буйным не выглядел.

- Что ж, - негромко сказал он, - по крайней мере, я потянул время. Думаю, самое страшное уже свершилось. Идите, месье Мариус. Вам всё равно сейчас открывать дверь.

Мариус со смесью уже начавшего стихать гнева и лёгкого изумления выслушал эти бредовые слова и действительно повернулся, чтобы уйти.

Однако, не успел он сделать и шага, как случилось то, от чего волосы Мариуса чуть не поседели, а сердце уже третий

раз за ночь пустилось в пляс.

Как и обещал Румата, дверь манора сотряс громкий, отчаянный стук.

Глава третья

Мариус замер. Мысли метались лихорадочно, точно дикие звери, пойманные в клетку. Что за ещё один ночной гость? Дружок Руматы? Разбойник? Совер?

«Он отвлекал меня», - окончательно убедился Мариус, и ему на миг стало так страшно, что чуть не подкосились ноги. - «Но для чего?...».

Не зная, что делать, Мариус огляделся. Взгляд очень кстати упал на ту скамью, которую он чинил. Возле неё всё ещё лежал молоток – Мариус так испугался стука в дверь Руматы, что позабыл его на полу. Однако теперь инструмент придал ему храбрости.

«Не буду открывать», - решил Мариус. - «Возьму молоток, подскочу к Румате и схвачу его. Если дверь и выбьют, скажу, что у меня есть заложник. Это точно его дружки, иначе откуда бы ему знать... Должно подействовать...».

Румата наблюдал за ним, повернувшись лицом к дверям, сложив руки на спинке своей скамьи и положив на них голову. Мариус это и видел, и ощущал кожей – у него аж волосы на руках поднялись. Схватить молоток незаметно не получится. Но, с другой стороны, что Румата сделает? Молоток наверняка опаснее, чем его палка, к тому же, мальчишка вымотан, это заметно. Конечно, в складках сюртука он мог

спрятать нож. И не один, пожалуй. Но чтобы достать его, потребуется время. Как быстро Румата догадается, что Мариус хочет использовать молоток против него? Хватит ли ему времени добежать от последней скамьи до второй?

Стук повторился. Теперь он не был быстрым, как сначала. Наоборот – превратился в несколько медленных ударов, похожих на бой манорного колокола. Жуть пробрала Мариуса ледяными когтистыми пальцами до самых костей. Она дошла и до головы, выгнав оттуда холодный расчёт, потому что Мариус решил не думать, а действовать как можно быстрее. Выкинув из головы Румату с его друзьями, ножами и палкой, он бросился к заветному молотку.

Но не схватил его. А замер. Потому что второй незванный гость решил подать голос.

- Месье Одноглазый Пэр! – заревел густой бас. В нём не было слышно ни толики злобы или угрозы. Только ужас и отчаяние, намного более сильные, чем те, что начали было царапать душу Мариуса. – Вас нет в келье... Слава Зрячему Богу. Вы здесь!? Прошу, откройте!

Мариус судорожно вздохнул. Он успел склониться над молотком, но сейчас выпрямился так, будто проглотил посох Руматы. Он знал этот голос. Стучался никакой не бандит. В его голове отчётливо всплыла картина, свидетелем которой он был днём, какие-то несколько часов назад.

Тропинка, которая ведёт от манора дальше. Герцогиня с тоненькой элегантной тросточкой. Две девицы, что пере-

шептывались о чём-то в карете. И сонный кучер – крупный, немолодой, но ещё сильный, как медведь.

Кучер. Это был кучер! Мариус знал его, потому что тот заезжал в манор. Не так часто, как его хозяйка, и не с такими будоражащими кровь рассказами, конечно, но иногда он желал перемолвиться словечком с Одноглазым Пэром. То сыночек заболел, то жене солгал – у простых людей проблемы не слишком разнообразны.

Что могло так напугать этого человека? Да и что привело его к Мариусу в такой час, раз уж он даже думал поднять его с постели и бежал в келью? В Корнерленде, говорят, кельи находятся при манорах - просто скромные комнатухи, - но в Ардии сохранилась традиция строить божьим слугам домишки, и находились они на известном расстоянии от мест служения.

Почти позабыв уже про Румату и окончательно перестав понимать происходящее, Мариус поспешил к дверям. Его рука подрагивала, когда он отпирал засов. Однако Мариус постарался взять себя в руки и хотя бы напустить строгий вид. Кучер слеп, он этого не увидит, но суровое лицо поможет и голос сделать соответствующим.

Облизнув губы, которые показались чересчур сухими и холодными, Мариус толкнул дверь.

- Я здесь, - бросил он при этом. Настроение стало чуточку менее подавленным – ему удалось заговорить спокойным тоном! – Что стряслось, месье Бернард?

- Ох, месье Одноглазый Пэр... Беда, беда... - протянул кучер, пошатываясь, и в этом ревоподобном голосе Мариус отчётливо слышал рыдания. Он понял, что если старика не встряхнуть как следует, тот будет лишь бормотать его звание – так его что-то напугало.

Мариус схватил его за рубаху. Ткань была грубой, даже грубее той, из которой шили его сутану. Однако пальцы скользнули и по чему-то ещё – скользкому, неприятно теплomu и мокрому. Сглотнув отвращение вместе со страхом, Мариус затащил кучера в манор.

- Бернард, - повторил он. – Объясните мне, что случилось, и тогда я, возможно, смогу вам помочь. – Немного подумав, Мариус нехотя добавил: - Где Её Светлость?

Кучер с трудом стоял на ногах – Мариус заметил это только сейчас. К тому же, луна могла обманывать зрение, но, кажется, цвет его лица отличался от естественного. Мариус не сразу догадался перевести взгляд на его одежду, чтобы понять, что происходит. Или хотя бы на свою руку, на которой осталось то мерзкое ощущение липкой влаги. А когда догадался, чуть не упал рядом с осевшим на пол Бернардом.

На одежде, которая скорее напоминала ночь, чем день, и потому хорошо скрывала любую грязь, был виден только блеск и ещё более ночные пятна. На ладонях же...

Мариусу приходилось видеть кровь, хоть и нечасто. Выглядела она необычно и сильно отличалась от остальных вещей. Она была как маки, как губы некоторых девиц, как ку-

сок свежей говядины или вино - но все это, вместе взятое, не могло описать её достаточно точно, как и смешанные чувства, что она вызывала. Несвежая кровь приобретала другой цвет, чем-то похожий на древесный, но намного более жуткий. А ещё у крови был запах. Редко. Палец порежешь и не почувствуешь, если не станешь специально нюхать. Но когда крови много...

А Бернард был весь в крови.

У Мариуса тошнота подкатила к горлу. Не то чтобы он ни разу не видел раненых. Совсем наоборот. В деревнях тоже порою случались несчастья: конь, взбесившись, растопчет мужчину, подросток упадёт с дерева, женщина умрёт в родах или, что хуже, погибнет вместе с ребёнком задолго до его рождения. И Мариус приходил ко всем. Никто ведь не был уверен, что простой местный лекарь справится с тяжёлой раной или болезнью. А когда не веришь, что удастся продлить близкому земную жизнь, начинаешь думать о его жизни загробной.

Вот только сейчас всё кричало о том, какая дурная кровь у него на руках и в ране Бернарда. А он явно был ранен. То была кровь, пахнувшая ужасом, пахнувшая кровью других. Кровь, значащая нечто более серьёзное, чем всплывшая кобыла.

Склонившись над кучером, Мариус ещё разок потрянул его. Правда, намного аккуратнее, чтобы не навредить. Хотя едва ли Мариус мог ему навредить – бедняга был чуть жив и,

кажется, уже собирался отдать душу Зрячему Богу. А пока он этого не сделал, стоило хотя бы выяснить, что случилось.

Мариуса передёрнуло от этой расчетливой, безжалостной мысли, мелькнувшей в голове. Другой Пэр сейчас начал бы молиться и исповедовать умирающего.

«Я слишком практичен для слуги Зрячего Бога».

- Бернард! – третий раз позвал Мариус. – Прошу, вас, скажите, что произошло. Кто вас ранил?

Кучер откинул потную голову, тяжело дыша.

- Корнерлендцы... - наконец прохрипел он что-то полезное. Спокойствия его слова, правда, не добавили. Скорее, окончательно напугали Мариуса. – Они зашли к нам... Госпожа... Госпожа сопротивлялась, и они... - Порывистый вздох и лунный луч, который сверкнул на щеке Бернарда тонкой дорожкой. Слеза? Что ж, не нужно быть дураком, чтобы понять, что случилось. – Я хотел её защитить... Но она сказала, чтобы я бежал к вам, месье Мариус... - Рука кучера потянулась было к ране, но обессиленно упала. – Прибежал к вашей келье... Там уже... Крики, огонь, вот и меня продырявили... Ну, думаю, помирать, так исполнить... - Он закашлялся, и Мариус увидел, что луна отразилась в ещё одном ручейке на лице Бернарда. Только не таком, как слеза. Снова кровь, теперь изо рта. Да уж, плохи его дела. Чудо, что он как-то дошёл до манора. - Просьбу госпожи, спасти вас... И я сюда.

Снова порывистый вздох, и поток слов сменился потоком

крови. Мариус не мог смотреть, как вместе с ней из мужчины, лежащего на полу манора, вытекает жизнь, и одновременно не мог отвести глаза.

Весь небольшой последний монолог Бернарда Мариус промолчал. Сил хватало только на серьёзное лицо и борьбу с подступающим ужасом и удивлением. Со смертью кучера сил перестало хватать и на это. Мариусу показалось, что ноги его превратились в тряпичные. Он бы упал, если бы не привалился тяжело плечом к стене. Дыхание вырывалось из груди судорожными хрипами, будто это он, а не Бернард, спешил, раненый, от врагов к молодому Одноглазому Пэру.

Не может быть. Быть не может! Мариус жил в тихом, спокойном мирке - если не считать страх перед соверами, конечно. А тут... Корнерлендцы. Да, про них поговаривали, но и про вервольфов поговаривают, а люди в волков посреди дня не превращаются, и посреди ночи тоже! И что же... Корнерлендцы пришли, и начали убивать, и... Герцогиня де Менсон мертва? Да ведь она должна была пережить Мариуса вместе со своими историями про любовников... Как же так? Дама, которая служила неиссякаемым источником шуток и возмущения Мариуса, которая казалась почти столь же вечной, как восход и закат – и мертва. И кучер её истёк кровью почти на руках у Мариуса. Потому что она, эта смешная развратная госпожа, вспомнила о Мариусе в свой последний час.

Мариус много думал о том, что в один из дней его спокойная жизнь кончится. Но и предположить не мог, что вот

так! Он думал, что кончится, именно его жизнь. А над деревушкой всё также будет всходить солнце, всё также Бернард будет говорить про своих детей теперь уже новому Пэру, а герцогиня – флиртовать с ухажёрами. Анна также будет готовить, а ее дочурка – помогать больной матушке. А потом, через несколько лет, Люси подрастёт и найдёт себе достойного мужа...

Анна. Её дочь. Мариус словно очнулся от своего первого оцепенения.

Он плохо понял сбивчивые объяснения кучера, но, кажется, он сказал, что вся деревня в огне, а жителей убивают. И что келья Мариуса тоже... А там, в соседней комнате...

Мариус живо представил утомленное лицо служанки и детское, только начавшее окрашиваться во взрослые черты – её дочери. Он помнил лица всех жителей деревни, всех до единого, но в голове всплыли именно эти два. И почему-то он не мог допустить даже мысли, что две этих женщины уже мертвы. Они столько трудились для него, Мариуса. Он должен их спасти, непременно должен. А иначе что он будет делать? Он итак живёт бесполезную, в общем, жизнь, и то без удовольствия. Ужас вдруг сменился спокойствием, а рассеянность – поразительно твёрдым решением.

«Или я спасу Анну и её дочь, или погибну вместе с ними. Пусть Зрячий Бог, если он все-таки существует, подаст знак, что делать, в лице их жизни или смерти».

Мариус распахнул дверь. И тут только вспомнил о Рума-

те, который всё последнее время молчаливой тенью наблюдал за происходящим. Он тоже предупреждал Мариуса, но как мальчишка связан с корнерлендцами, думать не хотелось. Мариус разберётся с этим позднее, если переживёт эту ночь. А пока он позаботится, чтобы чей-то богатый сынок пережил её точно.

- Сидите здесь и не высовывайтесь, месье Румата! – выкрикнул он, смотря на спрятавшуюся в тени скамеек фигурку, но видя только пылающую деревню, полную бандитов. – Если услышите малейший намёк на опасность, бегите. Или через дверь, или бейте стекло, вы это сможете вашей тростью. Уходите как можно дальше от Бреборда, если я не вернусь к рассвету!

- Не ходите туда, всё равно никого не спасёте, - просительным тоном отвечал мелодичный голосок.

Но Мариус не пожелал его слышать.

* * *

Пожар и хаос не были предсмертным видением раненого в более мирных обстоятельствах кучера, как какой-то крохотной частичкой души надеялся Мариус. От манора до деревни идти было не больше пяти минут, и уже на середине пути он услышал крики и почувствовал острый, царапающих запах гари. Его чуть не затошнило, а руки, всё ещё окровавленные, затряслись хуже прежнего.

Мариус понятия не имел, как собирается спасать Анну, Люси или кого-то еще в таком состоянии. У него даже оружия не было – молоток так и остался в маноре. В любой другой момент Мариус, наверное, не узнал бы в запинающемся о все ветки на бегу, ни о чем не думающем человеке себя. Но это был он. Не знающий что делать и потому действующий по воле чувств, а не разума, Мариус. Мариус, который раньше всегда умудрялся сохранять холодную голову.

Огонь он увидел издалека. Там, где прежде стояли небольшие домики из камня и дерева, теперь вздымалось и плясало буйной ведьмой что-то огромное, жуткое, одновременно слишком мёртвое и слишком живое, чтобы быть настоящим. Это пламя походило на огоньки свечей или печи также мало, как Мариус сейчас походил на себя обычного.

Подойдя ближе, он увидел среди огня небольшие островки, по которым сновали люди. Когда-то эти маленькие полоски земли можно было назвать дорогами. Неказистыми, протоптанными, а не из плитки, как в городе, но дорогами. Тогда, кажется, в прошлой жизни, но на деле ещё вчера, они выглядели совсем иначе. Люди, впрочем, тогда тоже вели себя по-другому.

Корнерлендцы или просто какие-то воины рыскали по деревне грозными хищниками. Из домов, не успевших погрузиться в пламя полностью, они выносили еду и вещи, а потом швыряли в окна для воздуха горящие факелы. Хватали крестьян за волосы и, смеясь, чуть не тыкали их лицами в огонь,

заставляя смотреть на полыхающие жилища – при том, что большая часть бедняг ничего не видела, просто так, чтобы те корчились от страха. Крестьян, которые кричали слишком громко от боли и ужаса, пронзали саблями насквозь.

Некоторые пытались сопротивляться, стоило отдать им должное. Пока Мариус наблюдал, не в силах пошевелиться, по крайней мере несколько мужчин заградили собой своих жён и дома. Они наставляли на врагов длинные кочерги, острые вилы, кто-то даже сам смог раздобыть факел... Но что такое необученный крестьянин, да ещё слепой, против зрячего вояки? У Мариуса потемнело в глазах, когда он увидел, как одного такого храбреца с лёгкостью убили, разрубив почти пополам. Второго сбил с ног по велению всадника конь, ещё и пару раз найдя на руки крестьянина копытами. Стонущего беднягу бросили в его же полыхающий дом. Третьего оставили в живых, но лишь до тех пор, пока его дочерей... Мариус отвернулся.

Если в нём появилась какая-то смелость во время рассказа Бернарда, то теперь от неё не осталось и следа. Его трясло с головы до ног. Что делать? Спуститься и принять смерть с остальными? Сбежать?

...Неожиданно Мариус услышал стук копыт. Ему показалось было, что это пришли за ним, но стук затих на некотором расстоянии. Заставив себя обернуться снова, он увидел, что подъехали и правда несколько нападающих, вот только не к нему, а к его келье. Мариус остановился совсем рядом

с ней, но в спасительной тени дубов, что её окружали.

Это маленькое, неказистое здание тоже горело. Мариус не знал, куда лучше смотреть: то ли добивать себя, глядя на полыхающие стены цвета облаков и рискующую обвалиться старую деревянную крышу, то ли не сводить глаз с людей, которые наверняка убьют его, если заметят.

А приехавшие люди принялись переговариваться. Речью они только подтвердили, что были иностранцами – Мариус не понял ни слова. Говорили они чопорно, отрывочно, с присвистом. Бернард не солгал, как-то механически отметил Мариус: очень похоже на корнерлендский.

* * *

- Пэр, значит, не появился? – мог бы услышать Мариус, знай он этот язык.

- Улизнул, лейтенант. В маноре тоже никого, - почтительно отозвался один из всадников. – Надо спалить дом и начать отступать. Ардийцы наверняка уже узнали и скоро будут здесь, а мы из-за этого приказа без ружей. И нас всего тридцать.

- Дурно, дурно. Нам приказали пошуметь, и убить всех. Общайте-ка кусты вокруг, вдруг он отсиживается где-то рядом. Потом загоните всех, кто остался жив, сюда. Пусть их зрячий божок приглядит за ними, пока они будут гореть, - усмехнулся лейтенант.

- Вы уверены, лейтенант? – спросил третий, покосившись на келью. – Они зовут Зрячим нашего Лунобога, так что это святое место... Нехорошо.

Лейтенант резко взмахнул саблей. В свете огня, перепачканная кровью, она выглядела особенно угрожающе.

- Пока ты в моём отряде, Смит, единственный бог, который у тебя есть – вот этот! – он взмахнул саблей, и та со свистом рассекла воздух. – А единственное святое место – твоя койка! – солдат склонил голову, пробормотав извинения, и лейтенант перевёл взгляд на остальных всадников. – Кажется, я отдал приказ. Пошевеливайтесь!

* * *

Покончив с разговорами, иностранцы пришпорили лошадей и направились каждый в свою сторону. Никто не стал возвращаться в деревню – все разобрали себе по кусочку роши.

И вот теперь один из них ехал прямо на Мариуса.

Тот понял это не сразу, а когда понял, то ощутил, как его прошиб холодный пот.

Что делать?! Куда бежать?

Он окинул дубовую рощицу, в которой укрылся, лихорадочным взглядом. Ночь сковывала глаза, уравнивая зрячих и незрячих, но благодаря всплескам огня на несколько метров вокруг угадывались силуэты деревьев и кустарников. На-

верное, именно поэтому Мариус расцарапал одежду, руки и ноги, но добежал до кельи, ничего себе не сломав. Ведь, в отличие от незрячих ардийцев, он не обладал удивительной способностью на расстоянии осязать, что где находится, которая позволяла слепцам фехтовать и ездить верхом. И одно дело, научиться вслепую чинить скамейки, а совсем другое – сломя голову бежать по лесу.

Листва закрывала луну и звезды, отгораживала Мариуса от глаз Зрячего Бога, но находилась слишком высоко, чтобы укрыть его и от более реального, опасного взора. Холмистую землю под деревьями толстым одеялом укрывали мирт и можжевельник. Мариус сидел на земле между дубком и одним из таких кустов.

Кустарник, правда, выглядел весьма ободраным, поэтому, настолько, насколько мог, тихо и аккуратно, Мариус отполз чуть дальше от своего места и чуть ближе к зарослям погуще.

Затем снова нервно огляделся. Всё равно слишком заметно! И зачем он вообще пришёл сюда? Герой! Лучше бы остался в маноре, собрал какие-никакие вещи и сбежал.

А всадник всё приближался. С каждым мгновением стук копыт раздавался всё ближе, словно отсчитывая секунды до смерти Мариуса. Проклятый иностранец, как назло, очень придиричиво оглядывал каждое дерево, каждый куст, мимо которого проезжал, освещая их прихваченным с собой факелом. Когда до него остались жалкие пара метров, Мариус

зажмурился и облизнул потрескавшиеся губы.

«Зрячий Бог!», - взмолился он последнему, кто мог спасти его, если, конечно, существовал. Потная ладонь скользнула под сутану и нащупала висящий на груди Глаз – деревянный, состоящий только из контуров, плоский. Такие носили все Пэры как символ того, что Зрячий лишил их очей, как и других своих ардийских детей, но оставил им другой глаз, духовный. Потому их так и называли. – «Я грешил, непозволительно много для Пэра, знаю. Я не верил в тебя, а это ещё хуже. Но говорят, ты бываешь милосердным. Прошу, помоги!».

Тук. Тук. Тук. Копыта глухо ударяли в потрескавшуюся от жары землю. Всё ближе и ближе... Мариусу казалось, что сейчас он сойдёт с ума. Вот стук раздался прямо рядом с ним. Дальше прозвучало шуршание – это воин начал наклоняться и оглядывать тёмные заросли.

Всё произошло быстро. Звук возни, шорох – и всадник вдруг закричал что-то на всё том же непонятном языке. Мариус думал не открывать глаза до самой своей смерти, но от удивления не сдержался. И чуть не подавился нервным смешком.

Прямо над ним, сидя на коне, возвышался воин. Но смотреть в сторону Мариуса он даже не думал. Его широкие плечи покрывали ветки, на груди виднелось что-то мокрое. По тонким кусочкам чего-то, похожего на лепестки ромашек и обсыпавшего одежду иностранца, Мариус понял, что это

желток, вытекший из разбитого яйца. Понял он это ещё и потому, что над головой врага летала, громко и возмущённо вереща, какая-то птица, явно норовясь клюнуть человека в голову. Бойцу оставалось лишь махать руками. Да и то осторожно, чтобы не обжечь себя огнём факела.

Когда птица пару раз ухватила его за пальцы, иностранец понял, что единственным спасением будет бегство. Так и не посмотрев туда, где укрывался Мариус, он велел лошади развернуться и поскакал обратно, громко о чём-то сообщая единственному оставшемуся возле кельи товарищу.

Мариус схватился за грудь, будто это могло унять бешено колотящееся сердце, и перевёл дух. Ему не верилось, что он спасен. И кем – птицей!

Та, ещё покружив над местом, где стоял воин, подлетела к Мариусу, словно подслушала его мысли. Совсем уже ничего не понимая, он протянул ей руку. Он думал, птичка улетит, и все-таки не мог отвести глаз от небольшого тельца и тонкого клюва.

Как бы это ни было странно, Мариус вдруг ощутил на пальцах прикосновение цепких коготков. Птица, дикая птица, и притом только что потерявшая детёныша, села к нему на руку! В любой другой момент Мариус бы подумал, что спит. Но этой ночью он уже готов был поверить во что угодно.

- Спасибо, - одними губами произнёс Мариус. Когда он разговаривал с животными?!

Но птичка будто поняла его. Во всяком случае, удивительно знакомо склонила маленькую мягкую голову набок. В груди Мариуса шевельнулось предположение, но оно было чересчур абсурдным даже для сегодняшней ночи. Поэтому он спрятал его как можно дальше.

Немного поглядев на Мариуса глазками, похожими на аккуратные угольки, птица взмахнула крыльями и улетела. Снова оставив Мариуса в одиночестве.

Оно, впрочем, было недолгим, как и его облегчение. Не успел Мариус как следует успокоиться, а со стороны кельи снова послышался шум. Возня, женский крик, мужской смех. Мариус вздрогнул и резко обернулся к келье.

Даже если ему только что помог Зрячий Бог, равновесия ради он решил сразу же над ним поиздеваться.

* * *

Два солдата, отправившиеся почти в одну сторону, вернулись. Они привели с собой, толкая, двух женщин – одну уже немолодую, вторую – ещё девчонку. Огонь освещал их мокрые от слез лица.

- Пэра мы не нашли, - сообщил один из солдат. – Но вот ещё две. Кажется, тоже отсюда. Прятались за небольшим холмом. Мы не стали убивать сразу, подумали, что они могут быть интересны, лейтенант, - с этими словами он нехорошо улыбнулся. Рука его скользнула за спину девочки-под-

ростка. Та всхлипнула и попыталась отшатнуться, но тут же вскрикнула: солдат удержал её, грубо схватив за волосы.

Лейтенант окинул пленниц заинтересованным взглядом. При виде женщины старше он сменился на брезгливый, а на девочке задержался. Затем командующий неторопливо спешил, отдав поводья солдату, вернувшемуся чуть раньше.

- Старуху убейте, - велел он. – Девчонку сюда! – добавил лейтенант, призывно поманив рукой.

Будто поняв страшный приговор, девочка закричала ещё громче прежнего и принялась вырываться. Пара ударов заставили её замолчать и на дрожащих ногах направиться к лейтенанту, которого она даже не видела своими белесыми слепыми глазами. Солдат, удерживающий женщину, в это время обнажил саблю.

* * *

Мариус с ужасом узнал в найденных иностранцами женщинах Анну и её дочь. Тех, ради кого он, собственно, и побежал в деревню. Вот только теперь он понятия не имел, что делать. Душа так и рвалась туда, к келье, помочь, защитить, спасти, но ум подсказывал: Мариус просто убьёт себя.

Однако, когда один из врагов вытащил саблю и замахнулся над Анной, а второй толкнул несчастную рыдающую Люси к своему плотоядно ухмыляющемуся товарищу, Мариус не выдержал. Чувства вновь взяли верх. Он выскочил из ку-

стов и бросился к келье. Он не знал, что будет делать, да это было и не важно. Мариус знал одно: что не может стоять и смотреть, как издеваются над его служанками. Односельчанками. Семьёй?

- Не трогайте! – как мог, грозно закричал Мариус. И замахал руками, чтобы точно заметили.

Воины тут же посмотрели на него. Перекинулись несколькими словами. Мариус нерешительно остановился в нескольких метрах от них. Сердце бешено колотилось.

Мариусу и подумать не мог, что всё произойдёт именно так.

Тот, который держал саблю, поглядел на Мариуса, усмехнулся и взмахнул ей. Анна, что стояла рядом и явно не понимала происходящего, как-то странно, неестественно дёрнулась. По её горлу, с которого спала шаль, протянулась длинная тонкая гусеница. Того же цвета, что были пятна у Мариуса на руках. С хрипом, от которого у Мариуса внутри все перевернулось, служанка завалилась на землю. Из рта её тоже что-то потекло. Она вертелась на земле, будто пыталась встать и не могла, а келья всё горела, освещая эту жуткую сцену.

Мариусу показалось, будто он слышит что-то ещё. Он не сразу понял, что это заверещала дочь Анны. Люси попыталась оттолкнуть воина – откуда только нашлись силы в худеньком девичьем теле? – и броситься к матери. Но не тут-то было. Враг удержал отшатнувшуюся жертву за плечи, да

еще нарочно потянул за ткань на длинной ночной рубашке. Та треснула, порвалась, обнажив плечо, и воин потянул её дальше.

А Мариус всё стоял и смотрел. Ноги снова показались ему ватными и одновременно с этим будто сделанными из камня – иначе почему он не мог пошевелиться? Воин обернулся к нему с ухмылкой.

«Надо броситься вперед, хотя бы закрыть ее собой», - думал Мариус, тупо смотря на врагов и чувствуя, что не может пошевелиться. - «Умру, но как герой, а не как овца, которую забили на ужин».

И ему даже удалось заставить себя сдвинуться с места, когда корнерлендец с дочкой Анны в руках вдруг сказал что-то властным голосом. Один из воинов отделился от остальных и неспешно направился к Мариусу. Беспокойство за Люси снова сменилось сковывающим все тело ужасом, когда в происходящем вдруг произошла перемена.

- Месье Одноглазый Пэр! – зазвенел голосок откуда-то издалека, сбоку от Мариуса. С той стороны, где стоял манор. – Месье Мариус! – и он приближался.

Воин, который должен был казнить Мариуса, остановился. Все иностранцы переглянулись.

А Мариуса передёрнуло. Он будто снова увидел небесные глаза, такие завораживающие в свете растущей луны, и птичку, что своим жестом напомнила...

«Треклятый Румата! Тебя же тоже сейчас убьют, идиот!».

Ему отчаянно захотелось выкрикнуть эти слова, чтобы хоть кто-то спасся, но язык не послушался. Да и во рту так пересохло, что, казалось, Мариус мог разве что захрипеть, как Анна.

Воин с Люси, как мысленно назвал Мариус одного из воинов, что-то произнёс. Мариус уже заметил, что тот, судя по всему, командовал своим небольшим отрядом. Другой иностранец кивнул и прищпорил коня. Тот резво поскакал туда, откуда доносился голос Руматы.

Мариус прикрыл глаза. Руки тоже не слушались, но больше всего ему хотелось зажать себе уши. Он больше не в силах слышать крики и плач. Хоть бы Румату убили быстро. Так, чтобы он не кричал.

Стук конских копыт внезапно прекратился. Его сменил странный лязг. Мариус с замирающим сердцем открыл глаза.

Румата уже успел подбежать к келье. Вот только, столкнувшись с воином, что отправился по его душу, он не умер и даже не попал к нему в руки. Мариус с удивлением понял, что мальчишка... Начал драться! Посох в его руках сменился саблей, которая ловко затанцевала с клинком иностранца – только сталь сверкала в свете огня.

Воин не слез с коня, а Румата был пешим, однако, когда Мариус постарался приглядеться – полутьма этому мешала – он понял, что для Руматы это препятствием не было. Мальчишка ловко скакал вокруг лошади, сам не хуже резвого жеребёнка, стараясь держаться ближе к крупе скакуна. И всё

отбивал, отбивал удары – и активно нападал сам.

В голове у Мариуса в одно мгновение появилась куча вопросов. Как мальчишка узнал, куда бежать? Откуда сабля? Где он научился так фехтовать? Почему вообще пришёл? Однако задать их он не смог бы при всём желании. Мариусу снова приходилось только смотреть.

Не нужно было знать корнерлендский, или откуда там пришли враги, чтобы понять: воин был поражён не меньше Мариуса. В какой-то момент он даже велел лошади отойти на пару шагов назад. Румата, правда, тут же и сам сделал несколько шагов. Он по-прежнему жался к крупу коня, так ещё и со стороны, несподручной правше-иностранцу. Мариус с трудом мог разглядеть его солнечную голову, еле-еле видную из-за жеребца, но он не мог не восхититься. Маленький, хитрый и неуловимый, Румата чуть ли не выигрывал в поединке!

Другие воины тоже наблюдали за дракой, явно поражённые тем, что кто-то из деревенщин сумел раздобыть себе саблю, так ещё и довольно умело с ней обращаться. А они наверняка приняли мальчишку за деревенского – в темноте воины вряд ли разглядели дорогую одежду Руматы.

Дочка Анны, почувствовав, что её держат уже не так крепко, попыталась вырваться: Мариус увидел, как склонилась её голова, как командующий отдернул руку: она его укусила! Люси бросилась было бежать от своего мучителя, но тот, устав с ней возиться, потом подумает Мариус, взмахнул саб-

лей – и Мариус увидел, как её острый кончик показался из груди девочки. Хотя воин стоял позади неё. Она тоже как-то странно вывернулась и застыла. А её убийца, поглядев на неё мгновение, резко дёрнул рукой. Сабля с глухим, отвратительным звуком вышла из тела, и оно повалилось в траву.

Пнув его ногой, убийца вывел лошадь чуть ближе к дерущимся и выкрикнул какое-то короткое слово. Мариус предположил, что оно значило «заканчивай». Потому что в следующее мгновение воин ударил по стремянам, заставляя коня встать на дыбы. Теперь они хотят растоптать Румату, понял Мариус, и с трудом удержался от того, чтобы не отвернуться – и от мёртвой Люси, и от мальчишки. Маленький Румата против огромного скакуна с мускулистыми ногами – зрелище поистине угрожающее, а от вида трупа дочери Анны на лбу Мариуса проступил холодный пот.

Румата, в свою очередь, умирать не торопился. Он ловко отскочил от лошади, снова назад, и замахнулся саблей. Воин не успел защититься. От удара Руматы он вскрикнул и пошатнулся. Его лошадь с громким ржанием вновь поднялась на дыбы, теперь уже по своей воле. Румата снова ударил – и попал по ноге, выпихивая тяжёлый сапог из стремени. Не в силах удержаться в седле, всадник кубарем слетел с коня.

Убийца девочки явно не поверил своим глазам, однако быстро пришёл в себя. Он снова разразился криками на иностранном языке. От этого оживились и другие воины. Вздвогнув, они бросились к Румате. Тот уже успел забраться

на коня и даже его успокоить.

Когда враги налетели на него, Румата легко отбил удары всех троих сразу. Продолжая парировать, он умудрялся продвигаться ближе к келье. Мариус успел бы сосчитать до двадцати к моменту, когда сабля мальчишки проткнула насквозь первого противника. Еще через десять секунд брызнула кровь из ран второго, хотя он всё ещё держался в седле. Главарь с тревогой огляделся и поймал взгляд всё ещё пригвожденного к одному месту Мариуса. А затем снова прокричал несколько слов.

Тогда третий боец вдруг отступил, резко развернул лошадь и кинулся к Мариусу.

Тут его нервы уже не выдержали. Мариус отшатнулся и попытался отбежать, но ноги подвели его, и он рухнул на землю, как мешок с картошкой. К моменту, когда всадник подъехал, Мариус успел только перевернуться с живота на спину.

- Месье Мариус! – снова услышал он отчаянный крик Руматы. А затем увидел, как прямо над ним нависла огромная, страшная лошадь, похожая на зловещую статую. И ещё более зловещий всадник на ней. Воин замахнулся, и Мариус в третий раз за ночь приготовился умереть.

Удара не последовало. Со смесью ужаса и неверия Мариус увидел, как из горла воина вдруг вырос окровавленный кончик сабли. Запрокинув голову и захрипев, тот свалился с перепуганного жеребца прямо рядом с Мариусом. Не пони-

мая, что происходит, ощутив в горле подступающую тошноту, тот попытался отползти подальше от тела.

До него дошло, лишь когда снова послышался стук копыт, и возле оставшегося без хозяина коня остановился сидящий верхом мальчишка. Впрочем, подняв глаза на Румату, Мариус мысленно себя поправил. Нет, он вовсе не мальчишка. И едва ли сумасшедший, как Мариус подумал в маноре. Румата, кажется, профессиональный фехтовальщик. Почему-то изрубивший по меньшей мере троих прямо на глазах Мариуса.

Что, если Румата сейчас убьёт и его?

Мариус отполз ещё немного. Его снова затрясло.

Однако, чуть склонившись к Мариусу, Румата протянул ему руку.

- Месье Мариус, - мягко позвал он. – Вставайте! Нам нужно идти.

Мариус молчал. Оцепенение все ещё сковывало всё тело.

- Месье Мариус, - умоляюще повторил Румата, очевидно, как-то по-своему истолковывая его поведение.

Мариус продолжал молчать. В голове не укладывалось ничего из произошедшего, а конечности продолжали казаться ватными.

Румата вздохнул. А затем совершил ещё один совершенно странный, почти пугающий поступок. Заставив коня ещё немного приблизиться, Румата наклонился, насколько мог, и схватил Мариуса за сутану. А затем, крепко сжав в руках

ткань, поднял его... Легко и за шкуру, словно котёнка! Мариус ощутил пустоту под ногами, но не успел ни испугаться, ни возмутиться. Мгновение – и вместо воздуха под животом оказалось что-то кожаное, окружённое лохматым и жёстким. Лошадь. Неуклюже подергавшись, Мариус смог перекинуть через спину коня одну ногу и сесть. В седло. Румата посадил - положил, но это не важно, - его на коня того воина, которого только что убил!

А затем, не дав Мариусу больше ни мгновения на то, чтобы прийти в себя, схватил поводья его лошади. И поскакал в противоположную от деревни сторону.

Глава четвёртая

Улицы Фирэла были живыми. Они дышали голосами людей и разговаривали стуком лошадиных копыт. Плакали воючими сточными канавами и смеялись песнями музыкантов, криками старьевщиков, гудками заводов и далёких пароходов. Сопели свистками паровозов и курили фабричным дымом. И, конечно, как все живые существа, они заводили детей. Ви тоже была их дочерью.

Дети Фирэльских улиц похожи на родителей. Неказистые, худые и угловатые от возраста и вечного недоедания, как длинные кривые переулки. Бледные, расцарапанные в бесчисленных драках, светлоглазые, будто старые дома в утреннем тумане. Грязные и оборванные, таскающие на себе лохмотья, младших сестрёнок с братьями и блох с той же лёгкостью, с какой Гаун-стрит тягает на себе десятки дорогих карет с красивыми дамами и чопорными кавалерами, что говорят вроде по-корнерлендски, а вроде совсем не так, как Ви и её друзья. Ви, впрочем, пыталась копировать их речь, хотя над ней за это посмеивались. Но они были глупцы, что смеялись. Только дурак будет смеяться над языком аристократов!

Фирэляне частенько называли улочки и уголки своего города по прозвищам. Длинная Мун-стрит с её петляющими поворотами в разговорах звалась Кишкой, а Фирэльский

мост через Тауду – Жеребцом Джо, якобы потому, что этот самый жеребец когда-то сбросился с него вместе со своим наездником. Дети улиц унаследовали и эту особенность. Они тоже куда лучше знали друг друга по кличкам. Использовать их, к тому же, было намного удобнее, чем имена. У кого-то ведь они повторялись, а кто-то и вовсе не знал, как его звали. То ли дело прозвища, у каждого – своё! Едва ли в Фирэле когда-то появится второй Сопливый Бобби или Весёлая Кэт. А если и появится, то очень нескоро, когда про первого уже давно позабудут. В чем беспризорники совсем не походили на родителей-улицы, так это в том, что детей забывали очень и очень быстро.

У Ви тоже было прозвище - «Везучая». Везучая Ви. Иногда клички значили прямо противоположное качество хозяина: Красавчику Питу в детстве откусила полноса крыса, и лицо его выглядело уродливо, Толстушка Лили больше напоминала скелет, чем живого человека, а Здоровяк со дня на день собирался отдать душу Лунобогу из-за чахотки. Прозвище Ви носило самое прямое значение.

Она правда была везучей – настолько, насколько может быть нищая сирота.

Во-первых – это, пожалуй, нравилось Ви больше всего – Лунобог одарил её чуждой внешностью: рыжие, словно яркое-яркое пламя, густые кудри, которые брал не каждый дешёвый гребешок. Белое, как у графини, лицо, что так и не удалось зажарить солнцу. Высокий полный бюст, на который

частенько глядели мужчины, и покатые бёдра. Словом, всё, как в модных журналах, которые Ви иногда удавалось стащить и прочитать!

«Если бы я была богатой», - мечтательно думала Ви, разглядывая себя в зеркале ателье, в котором работала, - «Если бы мне не нужно было думать о деньгах на жизнь, я бы целыми днями смотрелась в зеркало. И всё кричала бы своим служанкам, чтобы они расчесывали мне волосы да делали причёски! А платья...», - и она с тоской косилась на очередной манекен, на котором висел почти готовый шедевр, зовущийся дорогим платьем. — «О, я бы каждый день заказывала новое платье!».

И Ви мысленно повторяла, как завороженная, волшебные слова, услышанные от разных знатных дам – чайное платье, бальное платье, платье для визитов, платье, чтобы ездить верхом. Она видела их все, и каждое очаровывало её по-своему – у того оборки на юбке, а у этого необычайной формы рукава. О, а это, пурпурное! Красители, особенно фиолетовые, стоили дорого, и Ви приходилось носить строгие, закрытые, унылые одежды серого цвета. Только во снах она могла видеть себя в красном, зелёном или голубом. А уж пурпурный...

Но Ви всё равно была везучей. Из того, что она красива, вытекало другое везение: в отличие от многих несчастных, она преспокойно прожила восемнадцать лет и умудрилась не попасть в бордель. А ведь многие красавицы Фир-

эльских улиц не смогли избежать этой мерзкой участи: Ви приходилось слышать страшные истории о торговцах живым товаром, что ходили к нищим отцам хорошеньких девочек, предлагая за них не менее хорошенькую сумму, отлавливали юных сирот по ночам, не опасаясь гнева Лунобога, и опаивали их до беспамятства днём, не думая о тонукменах.

Ви и сама была свидетельницей того, как её симпатичные подруги иногда пропадали на какое-то время. А потом, случайно забредя в дикий приморский райончик Шот-стрит, Ви видела их и в тоже время не их – недавно простые милые девочки голодными собаками бродили вокруг безвкусно-ярких весёлых домов, полуодетые, размалеванные, растрёпанные, как старые куклы. И голоса их становились другими – хриплыми, наигранно-бойкими, – и даже глаза. К Ви как-то подошла одна такая, вцепилась в руку. Она что-то горячо зашептала, кажется, «вытащи меня!», но Ви с трудом слышала, потому что посмотрела в глаза. Когда-то тёплые и озорные, они стали пустыми, тоскливыми. И столько в них плескалось боли и отчаяния, что Ви потом несколько дней не спала от кошмаров, постоянно видя в них эти глаза. С тех пор она старалась ни под каким предлогом не ходить на жуткую Шот-стрит. И перед сном добрый час на коленях молилась Лунобогу, чтобы тот не дал забрать её в это место.

Когда Ви минуло тринадцать, ей снова повезло. И если красоту и свободу можно было списать на случайность, то это везение окончательно оставило за ней прозвище, а саму

Ви убедило в том, что она, очевидно, любимица Лика Удачи.

В Фирэле дети взрослеют рано, но ещё раньше им приходится узнать, что такое деньги и как их зарабатывать. В самых худших кварталах, на окраинах, часто можно было увидеть малышей лет четырёх-пяти, что бегают за прохожими, выпрашивая монеты. В кварталы чуточку лучше отправляли тех, кого родители могли одеть почище и поаккуратнее – продавать спички и дешёвые цветы. Ребята на пару-тройку лет старше искали работу серьёзнее. Одни просились в шайки подростков, учиться воровскому ремеслу, другие пытались пристроиться мальчиками на побегушках, нянями или рабочими на завод. Законы Фирэла, правда, запрещали труд детей, не достигших девяти лет, но почти никто не следил за этим. Да и как уследишь, когда у доброй половины твоих работников нет никакого свидетельства о рождении?

Однако, если право вытаскивать из чужих карманов кошельки нужно было зарабатывать кулаками, то честный труд, особенно в хорошем месте, заслуживался одеждой. Может быть, на заводы или в трубочисты легко брали оборванцев, но, скажем, подмастерьев в приличные лавки отбирали очень придирчиво: руки и шея должны быть чистыми, одежда пусть старой, но целой, из обуви не могут выглядеть пальцы. Попасть младшим работником куда-нибудь на Гаун-стрит казалось далёкой, несбыточной мечтой, если ты грязная сирота. Тринадцатилетняя Ви об этом даже думать боялась. Не забрали в бордель, и на том спасибо.

Но в тот день всё изменилось.

Одна из подруг Ви накануне похвасталась, что нашла очень денежную работу – торговать крессом. Если, мол, купить его на рынке, хорошенько поторговавшись, а потом обойти дома с предложением продать пучок за четыре бронзовых фью, то можно выручить чуть ли не серебряный клочок! А клочок – это сказочные деньги, столько получает обученная швея, или ткачиха, или рабочая, способная управляться со станком. Ви сразу же согласилась и, встав, как учила подруга, на рассвете, отправилась за крессом.

Дела действительно шли неплохо. Ви была криклива, упряма и торговалась так, будто родилась на рынке – а может, так и было, Ви не знала точно. Ей удалось купить очень даже недурственный кресс за сущие гроши, какие она заработала, отдраив посуду при маноре. Хорошенько вымыв и перевязав его в пучки, она отправилась дальше.

«Кресс! Кресс за четыре фью! Больше нигде не купите такой хороший за такую цену!», - звонко верещала Ви, колотя во все двери подряд. Её, конечно, мог прогнать какой-нибудь мимо проходящий тонукмен, но к этому Ви относилась спокойно: прогонит с одного места, она пойдёт в другое. Фирэл большой, и кресс наверняка нужен многим. Она стучалась, не особенно думая – и в многоквартирные дома, и в магазины, и ещё куда-нибудь. Так её научила подруга – если стучать везде, где-то да купят.

Когда полностью рассвело, Ви успела обзавестись двадца-

тью фью и разбитыми от стука в дверь костяшками. А ещё жутко устала. А ведь она продавала всего два часа! Многие продавали по четыре. Ви не понравилась эта мысль.

«Вот бы избавиться от этого кресса побыстрее и подороже», - тоскливо подумала она, глядя на пучки травы в озябших пораненных пальцах.

Стояла она прямо посреди дороги.

«Посторонись!», - услышала вдруг крик Ви. А вместе с ним – треск и стук. Подняв голову, она увидела, как на неё несётся повозка. А кричит, размахивая кнутом, извозчик. Ви торопливо отскочила в сторону, и повозка с грохотом проехала мимо. Закусив губу, Ви заметила, что выронила один пучок. После колёс и копыт от кресса осталась лишь уродливая зеленовато-коричневая вмятина.

Ви проводила повозку ещё более тоскливым взглядом.

«Счастливый ты», - подумала она. - «Наверняка зарабатываешь целую кучу клóков! А то и кинелей! Один раз съездишь на Гаун-стрит – и уже богач!».

И тут у неё в голове что-то щёлкнуло. Будто заработали шестерёнки, как в огромных часах, что громко тикают со стен парочки фирэльских зданий.

«А это идея!» - пробормотала Ви, и на губах её расцвела улыбка.

Раз уж она устала продавать кресс по дешёвке, почему бы не пойти на центральную улицу и немного поднять цену? Богачи или их прислуга ведь такие же люди, вполне возмож-

но, что и покупают они то же! А уж на цены наверняка не смотрят! Конечно, тонукменов там, наверное, побольше, но необязательно вопить, как на окраине. Ви будет тихой и аккуратной. И всё получится!

Словно поняв задумку Ви, руки вдруг немного согрелись, да и ноги стали болеть меньше. Утерев со лба пот и попытавшись пригладить непослушные волосы, глядя в витрину, Ви направилась к Гаун-стрит.

Путь был недолгим, тем более что Ви знала, где можно срезать и через какие заборы перелезть, чтобы добраться быстрее. Кресс, правда, успел изрядно потрепаться, пока Ви сокращала дорогу, но её это мало волновало. Ей казалось, что богачи способны купить даже самое дурное за огромные деньги. На то ведь они и богачи!

Но вот, наконец, и Гаун-стрит: высокие красивые дома с колоннами, узорами и флагами, фонтаны, повозки и, конечно, люди – много людей, и все разные: господа в пальто и шляпах, бородатые торговцы, ярко одетые артисты, полные горожанки с маленькими детьми на руках... На миг Ви замерла, разглядывая всю эту красоту. А потом поспешила к обитателям чарующего мира.

«Сэр, не желаете кресса?», – увязалась она за каким-то не молодым уже щеголем.

Тот посмотрел на нее свысока и замахнулся ботинком: «Пошла прочь, попрошайка!».

«Сам ты...», - обиделась Ви и одарила неприятного госпо-

дина самыми некрасивыми словами, какие слышала на улицах. Не вслух, конечно – ей ещё нужно было остаться на Гаун-стрит. Недолго подувшись, она побежала к даме, которая выглядела попроще, но повежливее. Такой могла быть служанка в богатом доме.

«Мэм! Кресс, всего шесть фью за пучок!».

Но женщина прошествовала мимо Ви, как будто она была пустым местом.

«Это оказалось сложнее, чем я думала», - мысленно вздохнула Ви.

И она принялась крутиться по улице, увязываясь за прохожими с самой располагающей внешностью, словно бездомная собачонка. Кто-то гнал её, кто-то не замечал, кто-то угрожал позвать тонукменов. Парочка людей миролюбиво улыбнулись Ви, но за тем только, чтобы сказать, что им или не нужен кресс, или нет на него денег.

Ви уже подумывала вернуться в рабочие районы, когда это случилось. Она решила последний раз попытать удачу и подойти к женщине, что неторопливо шла по тротуару. Дама выглядела так, будто по меньшей мере правила Корнерлендом – спина выпрямлена, голова поднята, руки чуть приподнимают юбки, чтобы полы одеяния не касались грязных плиток. Ви бы побоялась подходить к такой женщине, но было в ней что-то влекущее и очень располагающее. Может быть, тёплое выражение лица, особенно яркое в хмурой толпе, а может – ещё более дивное отличие от других людей: поверх

платья дама закуталась в шерстяную, расшитую чудесными узорами шаль, а из-под неё... Сначала Ви думала, что ей показалось, но приглядевшись, она поняла: глаза её не обманывают! В шали прятался зверёк – поменьше кошки, пушистый, рыжий и с длинным хвостом. Мимо такой чудачки Ви точно не могла пройти! Если нормальные люди не покупают кресс, почему бы не купить вот этой?

«Мэм!», - бросилась за ней Ви. - «Не желаете кресса?».

Она, в общем, уже боялась надеяться, но дама вдруг обернулась. От удивления Ви чуть в неё не влетела. Ещё два или три пучка выпали из её рук.

Лицо дамы тоже было как у настоящей леди – бледное, утончённое. Однако в тёмных глазах и мягких губах крылось что-то совсем неаристократичное. В хорошем смысле. Может быть, Ви показалось так потому, что женщина очень по-доброму улыбнулась, когда окинула её внимательным взглядом.

«Ты продаёшь кресс?», – спросила она с какой-то странной интонацией. Ви не поняла её, но то, что дама вступила с ней в разговор, уже очень бодрило.

«Да, мэм».

Ещё больше Ви приободрилась, когда к ней протянулась рука в светлой кожаной перчатке. Через четыре года она с лёгкостью сможет сказать – перчатка была из лайки, причём не собачья, а из дорогого ягнёнка.

«Дай-ка взглянуть».

Какая-то часть Ви насторожилась – вдруг дама возьмёт кресс и уйдёт? Или выбросит? Однако усталость и надежда были сильнее – что-то в женщине гипнотизировало, заставляло безоговорочно ей верить, а ноги уже ныли так, что Ви, пожалуй, даже обрадовалась, если бы у неё забрали несчастную траву.

Она послушно протянула пучки.

На удивление Ви, женщину заинтересовала вовсе не трава. Пальцы в перчатке легли на её ладонь и вдруг резко перевернули её тыльной стороной вверх. Взгляду дамы предстали разбитые, покрасневшие костяшки. Кровь уже успела засохнуть, приняв ржавый коричневый оттенок, и рука Ви выглядела отвратительно. С замирающим сердцем Ви смотрела на то, как сдвигаются тонкие чёрные брови на лице женщины, как суровеет её взгляд.

«Что это у тебя с пальцами?», – спросила она.

Ви тут же вспомнила тех детей Фирэла, что ходили у родителей в нелюбимцах: чесоточные, которые отпугивали всех жуткими язвами, чахоточные – их сторонились из-за жуткого кашля и кровохарканья. Испачканная ладонь Ви могла выглядеть так, будто она болела экземой. Что, если дама сейчас испугается заражения и уйдет?!

«Это не болезнь, мэм!», – поспешно затараторила Ви. - «Я просто стучалась...».

Но дама так и не стала выглядеть довольнее. И руку Ви не выпустила, продолжая внимательно её рассматривать.

«Во сколько же домов ты стучалась, дитя, что разбила себе пальцы?».

«Она меня... Жалеет?», - вдруг шевельнулось предположение в голове Ви. Очень зыбкое – кто станет жалеть фирмальскую уличную девочку?! Если кто и станет, то точно не красивая богатая леди! И все-таки Ви решила воспользоваться своим предположением. Она тут же чуть сгорбилась и надула губы, надеясь, что это придаст её более жалкий вид. И потупила взгляд, хотя больше всего захотелось оглядеться и проверить, не смотрят ли на неё все на площади. Пусть, пусть поглядят и позавидуют! Нищей Везучей Ви посочувствовала знатная дама!

«Во много, мэм...», - печальным голоском протянула Ви, сиюсь скрыть свою радость. - «Мне нужно было продать...».

«Кресс, я поняла». – оборвала её старую песню женщина. Не грубо, напротив, очень ласковым голосом. Дальше он, правда, стал жёстче, но уже не по отношению к Ви: - «Просто бессовестно так обращаться с ребёнком, да ещё с девочкой!», - и снова ей, Ви, снова по-доброму: - «Кто твои родители, дитя?».

Перед глазами Ви смутным воспоминанием соткалось доброе и сморщенное, как сухофрукт, лицо. С каждым годом его черты всё сильнее стирались из памяти. Ви не знала, печалило её это или нет. Скорее нет: чем меньше она помнила, тем менее грустно жилось. В тот день, впрочем, она впервые порадовалась, что знала лишь одного члена своей семьи, да

и то почти его забыла. Её история печальна, а значит, вытянет ещё сочувствие.

«Я сирота, мэм. Была бабушка, но она умерла».

«Давно?».

«Когда мне было шесть, мэм. А сейчас мне тринадцать».

На самом деле Ви не была уверена точно, ни сколько ей сейчас, ни сколько исполнилось тогда. Но в голове ещё оставались воспоминания, как её учили считать: тёплая рука накрывала одну ладонь полностью, сжимая её в кулачок, а на другой загибался один палец. «Это – шесть. Столько тебе годочков».

«Вот как». – кивнула дама и отчего-то продолжила допрос: - «И ты не местная, так ведь? Я слышу акцент. Откуда ты?».

Ви снова напряглась. Некоторые люди не терпели иностранцев. Ви приходилось видеть, как дворники игнорировали светленьких корнерлендских бродяг, но отчего-то особенно жестоко гоняли смуглых гаренийцев. Однако акцент у Ви правда был, и она никак не могла его скрыть.

Кроме акцента, Ви плохо, размыто помнила шаткое дерево под ногами, солёный запах моря, лёгкую тошноту и высоких крепких мужчин, от которых воняло не менее крепким табаком. Корабль. Путешествие. Но что было до этого...

Ви решила быть честной – самый выгодный вариант, если не знаешь, как лучше солгать.

«Не помню, мэм. Я помню, что мы с бабушкой переехали,

но откуда – не помню. Я была совсем маленькой».

«Как тебя зовут?».

«Вез...», - привычно начала Ви, но вовремя прикусила язык. Госпоже прозвище ничего не скажет. - «Ви. Ви, мэм».

Брови дамы приподнялись, будто она ожидала услышать что-то другое. Впрочем, она тут же улыбнулась.

«Ви. Хорошо».

С этими словами она вдруг отпустила руку Ви, но уходить не стала. Просто постояла какое-то время, будто бы принимая очень важное решение. Весенний ветер рисковал унести ее маленькую шляпку.

Ви смотрела на даму, не смея дышать. Она забыла уже про Гаун-стрит с её заманчивыми витринами, чудесными экипажами и волшебными запахами, забыла про всех этих людей, у которых была дорогая мягкая одежда, но не было улыбок на лицах, забыла про ноющие ноги и даже про кресс. Ещё один пучок выпал из её рук, но Ви даже не подумала его поднять. Интуиция подсказывала ей: сейчас происходит нечто очень и очень важное.

Прошло мучительно много времени, прежде чем женщина снова посмотрела на неё. И... Снова протянула руку!

«Пойдем-ка со мной, Ви», - позвала она и шевельнула ладонью, призывая взяться за неё. От неожиданности Ви вцепилась в оставшийся кресс, будто только он был последней соломинкой, а она тонула. Тогда дама покосилась на него с явным неодобрением: - «Брось уже свою траву. Вот тебе три

кинеля», - это была уже какая-то магия, но рука на миг исчезла, а вернулась, когда на ней лежало три, целых три золотых монеты! Невероятные деньги, какие Ви и во сне не видала! Да на них можно... Наверное, взгляд Ви был достаточно выразительным, а может, и жадным, потому что женщина улыбнулась ещё шире: - «Девочка тринадцати лет от роду должна держать в руках красивые платья, а не сорняки. Платья у меня с собой нет, но кинели, думаю, тоже сгодятся. Пойдёшь со мной?».

Ви замерла, не сводя глаз с монет. В голове лихорадочным клубком сплетались два чувства. Осторожность вкрадчиво напоминала: не станет леди просто так давать столько денег. Среди торговцев живым товаром тоже есть женщины, и выглядеть они могут вполне прилично. Куда её поведёт эта дама? В переулочек, где Ви скрутят руки и ударят по голове? Жадность и мечтательность шептали иное. Чудеса ведь случаются! И с кем ещё им случаться, как не с девочкой по прозвищу Везучая? Не может быть злой дама, которая протягивает кинели ей, уставшей и голодной бедной Ви!

Что же делать?

«Лунобог, помоги!», - мысленно взмолилась Ви к единственному советчику, который пришёл ей в голову.

И снова воспоминание – в ушах словно наяву зазвучал старый голос, учащий её простому детскому стишку, по какому было проще запомнить, что Лунобог един в восьми Лицах, по числу лунных фаз. В стишке, правда, ни слова не го-

ворилось о Луне, и он был на иностранном языке, но отчего-то Ви прекрасно помнила его смысл.

*Всего у бога восемь лиц:
Запомнить их спеши
И перед каждым падай ниц,
Шепча «Мне помоги».*

*Лик новых дел –к нему иди
Просить помочь в труде.
Заступник он выдумщиков,
Детей и матерей.*

*Удачи Лик и знаний Лик –
Он весел и опасен.
К нему иди, коль не везёт,
В учебе путь неясен.*

*Возмездий Лик – суровый Лик.
Обидчикам не мсти.
К нему иди – его проси,
И он их сокрушит.*

*Вот самый главный – Лик судьбы.
Его не просят ни о чем:
Судьбы все нити сплетены,*

Скажи «спасибо» горячо.

Лик милосердия с добром.

Болеешь – подойди к нему.

Он светлый, он спасает всех,

Твою отводит он беду...

«Ты молишься?», - оборвал стишок удивлённый вопрос дамы. Ви вздрогнула. Она была уверена, что не произнесла ни слова! Разве что губы шевелились, но едва ли понятно, тем более что слова были не корнерлендские...

Ви задумалась, стоит ли говорить правду, и в конце концов решила. Если дама уйдёт – значит, едва ли она желала ей добра, наверняка её отвёл Лунобог. А если нет – то все хорошо, ей можно довериться.

«Да, мэм. А как вы узнали?».

Женщина снова улыбнулась. Ви вздохнула с облегчением – кажется, не уходит. Рука дамы протянулась к голове Ви и потрепала её по спутанным, не очень чистым волосам.

«Боюсь, ответ может тебя напугать, дитя. Я не желаю тебе зла, если ты этого боишься, хотя знаю – дурной человек сказал бы тоже самое. Если вдруг не хочешь со мной идти, просто заberi кинели. Но если хочешь, я бы могла тебе помочь».

В тот момент редкий корнерлендский гость, солнце, выглянул из-за тяжелых серых облаков. И Ви решила. Робко, боясь, что она ненароком испачкает дорогое платье, и стес-

няясь, она сама взяла женщину за руку. Не за ту, в которой лежали монеты, чтобы она не подумала, что Ви совсем жадная.

«Я с вами пойду!», - бодро сказала она.

Может, Ви показалось, но на лице дамы появилось облегчение. И даже её зверёк будто расслабился – хотя он и прежде выглядел очень спокойным.

* * *

На удивление Ви, дама не стала сворачивать с Гаун-стрит. Дождавшись, когда Ви спрячет за пазуху свои кинели, она повела её прямо, сквозь тонкую завесу тумана и изящные вывески. Мимо Ви, будто в сказке, проносились самые разные лавки, подмостки артистов, дорогие кареты и дешёвые пролетки. Прежде она бывала здесь от силы пару раз, и теперь глядела во все глаза, силясь запомнить все прелести центральной улицы. Дама вела себя очень терпеливо, подстраиваясь под медлительный шаг Ви и очень мягко дергая её за руку, когда она замирала возле очередной витрины или фонтана.

«Куда мы идём?», - спросила Ви, когда наконец почувствовала, что пресытилась красотой, а голову уже разрывает от впечатлений.

«Ателье миссис Тэйлор», - отозвалась дама. Ви это название ничего не сказало. - «Слышала о таком? ».

«Нет, мэм», - виновато отозвалась Ви. Виновато, потому что в голосе дамы прозвучало что-то такое... Как будто каждая уважаемая девица должна была знать, кто такая миссис Тэйлор.

Она почувствовала, что её снова гладят по голове.

«Значит, скоро узнаешь. Госпожа Эстер Тэйлор – настоящая мастерица. Её платье – просто чудо! Поговаривают, она шьёт даже для Её Высочества леди Кэтрин. Она моя давняя подруга, и сейчас ей нужна младшая работница. Девочка «подай-принеси» с приятной внешностью, чтобы не портила вид ателье. Работа чистая, нетяжелая, жалованья хватит, чтобы снять скромную комнату, недурно питаться и опрятно одеваться», - взгляд дамы с жалостью скользнул по истрепленным лохмотьям Ви. Она уже сама не помнила, чем это было. Кажется, дырявое платье очень большого размера, а снизу – мужская рубашка, которая прикрывала слишком открытую кожу. Ви поежилась, ощутив, как ужасно выглядит на фоне богатого убранства Гаун-стрит, но дама и не думала злиться на неё за это. - «К тому же», - продолжала она, - «есть шанс, что миссис Тэйлор отберёт тебя себе в ученицы, хотя он не слишком велик. Предыдущей девушке, Элизабет, кажется, стукнуло девятнадцать, и она выскочила замуж. К слову, за относительно состоятельного человека», - дама вдруг подмигнула. Ви догадалась, что познакомилась с состоятельным человеком та девушка как раз в ателье. - «И теперь может не работать. Я бы тоже хотела, чтобы ты совсем

не работала», - она вздохнула, - «как и другая бедная ребятня, но, увы, не могу этого устроить. А вот избавить тебя от побитых замёрзших пальцев и ночёвок на улице – а ты ведь спишь на улице, не так ли?», - Ви кивнула. - «Я могу».

Ещё пара минут дороги ушла у Ви на осмысление услышанного. Женщина хочет пристроить её на работу. И куда – в ателье, хорошее, для богатых! Ей будут платить, да так, что больше не придётся в дождь и холод проситься ночевать в манор или рабочий дом, из которого не выпустят, пока не перемоешь посуду...

Только рука женщины остановила Ви, когда прямо перед ней проехал очередной извозчик. Задумавшись, она бы точно угодила под колёса. Грязь с плитки обрызгала ей юбку, но едва ли сильно испортила и без того не самую чистую ткань. Ви не успела даже испугаться – только сердце пропустило удар.

«Спасибо», - шепнула она севшим голосом, глядя себе на ботинки. Но бойкость быстро вернулась к Ви, и она решила задать даме вопрос. Чтобы точно поверить в то, что с ней произошло чудо: - «Зачем вы это делаете, мэм? Я не про извозчика».

Но женщина, ничего не отвечая, продолжила путь, и Ви последовала за ней.

Она успела насчитать семь витрин, когда дама наконец остановилась. Подняв голову, Ви увидела надпись огромными буквами и иглу, пляшущую вокруг мотка ниток рядом с

ней. Тогда она ещё не умела читать, но догадалась, что это и было ателье миссис Тэйлор.

Ви неуверенно посмотрела на даму, ожидая, что та откроет дверь и войдёт, но та стояла не шевелясь. Как будто была, как и Ви, грязной нищенкой, и не решалась этого сделать.

«Мэм?», - не выдержав, окликнула её Ви. Только тогда женщина вздрогнула, словно просыпаясь, и улыбнулась в который раз. Ви не понимала, что в ней так забавляло эту госпожу.

«Ты задала мне вопрос», - сказала она, потянувшись наконец к дверной ручке. - «К сожалению, дитя, на него я пока тоже не могу ответить. Но запомни, что рано или поздно, через год ли, или через десять, к тебе явится человек, который всё объяснит. А пока – живи, как знаешь, и не удивляйся».

* * *

Первое, что подумалось Ви, стоило ей переступить порог – она никогда прежде не была в таких местах. Ей даже стало страшно, словно здесь, в этом ателье, так похожем на совсем другой мир, могут скрываться какие-нибудь жуткие монстры. Дама спокойно прошла вперед, явно хорошо знакомая с местной обстановкой, но Ви нерешительно замерла на пороге.

Открывшаяся ей комната, правда, выглядела полной противоположностью логова чудовища: большая, светлая, с гро-

мадными окнами по тем стенам, где нет витрин. Большие белые куклы - *манекены*, узнает потом Ви название, - неживой армией выстроились перед подоконниками, и половина одежды: на высоких – целые платья, на маленьких, что стояли на столиках – то ли верха платьев, то ли блузки. В одном месте стоит софа, очень изящная на своих выгнутых ножках, с округлой спинкой и узорчатыми ручками. В другом – столы, и везде лежат ткани, огромные листы, на которых что-то начерчено, иголки и нитки. Хотя на улице день, среди тканей, на свободных частях столов, горят свечи – непозволительная роскошь! А еще зеркала, много зеркал, что превращают одну чудо-комнату в сотню, а нескольких девушек-работниц – в добрую тысячу.

При виде вошедших некоторые девицы отвлеклись от работы, подняв головы с аккуратно собранными пучками. На Ви они почти не глядели, зато перед дамой рассыпались в поклонах и реверансах. «Леди Маргарет!... Миледи!... Здравствуйте, леди Маргарет», - птичьими трелями зазвучали их тонкие голоса. Дама отозвалась им кивком и улыбкой. Ви заметила, что её дивный зверёк с груди женщины перелез ей на плечо и теперь внимательно оглядывал ателье, словно тоже здоровался. Даже забавно. Ви, однако, постаралась подавить смешок и только произнесла беззвучно, шевельнув губами: «Леди Маргарет».

В Фирэле, конечно, полным-полно леди, которых зовут Маргарет, и Ви едва ли так её найдёт, да и искать-то особен-

но незачем, но отчего-то ей захотелось запомнить.

И она запомнила имя своей благодетельницы. Помнила вот уже больше четырёх лет.

А леди тем временем прошла через всю комнату, туда, где на другом её конце находилась дверь, большая, светлая и с узорами, как всё в ателье. И быстро постучалась в неё маленьким кулачком в перчатке.

«Это я», - сказала леди Маргарет, когда ничего не произошло. Лишь после этого дверь открылась.

На пороге показалась ещё одна женщина. Тоже видно – если не благородная, то очень к тому близка. Идеальная осанка, гладкие, каштановые с проседью волосы, немолодое строгое лицо. Платье прекрасно сидит на стройной фигуре, серые глаза смотрят жёстко и внимательно. Она долго глядела на леди Маргарет, прежде чем её лицо немного потеплело, а на тонких губах завесой тумана соткалось подобие улыбки.

«Эстер», - только после этого произнесла Маргарет, называя её по имени. Ви догадалась, что перед ней хозяйка ателье. И подумала, что две эти дамы – полные противоположности друг друга. Одна яркая и живая, как пламя, другая блеклая и холодная, как стена. Поразительно, что они подружки.

«Маргарет». – сдержанно кивнула миссис Тэйлор.

«Чудесно выглядишь».

«Ты тоже». – всё также терпеливо и равнодушно отозвалась миссис Тэйлор. Она придиричиво осмотрела леди Мар-

гарет, и взгляд её зацепился за зверька, сделавшись неодоб- рительным. - «Твоя крыса ещё жива?», - и миссис Тэйлор по- качала головой. - «Когда-нибудь я сошью из неё перчатки!».

Ви не могла видеть лица леди Маргарет, но отчего-то ей показалось, что на миг улыбка с него исчезла.

«Благодаря моей крысе жива твоя племянница», - напо- мнила она, вежливо, но уже не слишком весело. И, протянув руку к плечу, почесала рыжую голову своего зверька. Тот прильнул к ладони, словно домашний котёнок.

С ещё более неодобрительным видом миссис Тэйлор по- качала головой.

«Только поэтому перчатки ещё не готовы». – сурово, но с явно сквозящей в голосе иронией произнесла она. А за- тем перевела взгляд за плечо леди Маргарет. Ви вдруг с ужа- сом поняла, что смотрят на неё, и вся сжалась. Больше все- го ей захотелось выбежать на улицу. Особенно после того, как миссис Тэйлор добавила: – «О, я погляжу, твоя любовь к крысам с каждым годом только растёт!».

Ви было очень страшно, но к страху все же примешива- лось любопытство – госпожа Маргарет так хотела пристро- ить её сюда. Что же она теперь будет делать? Неужто поссо- риться с подругой? Или прогонит её, Ви? Это было вероят- нее, но...

Она увидела, что леди Маргарет заметно напряглась и подняла голову. Ви могла ошибаться, но её зверёк будто бы тоже напрягся, и его густая шерсть поднялась дыбом.

«Моя мангуста ещё может потерпеть, когда ты зовёшь её крысой, Эстер». – проговорила леди Маргарет. В голосе её теперь отчётливо слышались ледяные нотки. – «Она животное и не понимает. Но это – девочка». – и уже чуточку менее холодно: – «Ты ведь говорила, тебе тяжело без Элизабет?».

Кажется, тон леди Маргарет заставил миссис Тэйлор несколько поумерить иронию.

«Но, помилуй Лунобог, я не просила...», – беспомощно пробормотала она, снова покосившись на Ви.

Сделав шаг навстречу подруге, леди Маргарет положила руку ей на плечо. И даже подтолкнула её в сторону комнаты, из которой миссис Тэйлор вышла.

«Пойдём, Эстер, мне нужно с тобой поговорить».

Миссис Тэйлор посмотрела на леди Маргарет и, очевидно, уловила в её лице что-то особенное, потому что тотчас послушалась.

Когда светлая дверь захлопнулась за ними, девушки вернулись к работе. На Ви они по-прежнему не обращали никакого внимания, и она оказалась предоставлена сама себе.

Поначалу она стеснялась себя, оборванной и грязной, в этом чистом, полном красивой одежды месте, и боялась пошевелиться. Но в конце концов смущение и испуг сменились скукой, и Ви решила оглядеться. Медленно и нерешительно, каждое мгновение ожидая, что её прогонят, она принялась ходить по ателье, далеко обходя работающих девушек, чтобы им не мешать.

Сначала Ви просто ходила, с удовольствием разглядывая всё вокруг и принюхиваясь к невозможно приятным запахам – воск от свечей, мыло, цветочные духи (что это, она узнает потом). В животе в это время тревожно сворачивался узел волнения. Очень уж Ви не хотелось навсегда отсюда уходить и очень уж велик был шанс, что её не возьмут.

Но потом Ви добрела до другого конца зала и замерла.

До этого она шла мимо будничных платьев. Красивые, но такие Ви уже видела на дамах, что сидели в каретах или прогуливались в парках под ручку с отцами и мужьями. У противоположной же стены... В тот момент Ви понятия не имела, как звались эти платья. Она знала только, что если ателье – волшебный мир, то теперь она, несомненно, оказалась перед главными его магическими творениями.

Этих платьев было всего два, зато какие! Корсажи плотно прилегали к телам манекенов, все расшитые узорами – цветы, листья, птицы, что-то совсем уж вымышленное. Вокруг рукавов и груди слоями шли оборки. Пышные юбки огромными полукругами раздувались под талией, лёгкие и воздушные. Одно платье было золотистым, другое – пурпурным.

Ви так и застыла, глядя на это чудо, будто любое движение, даже дыхание, могло сломать их или заставить испариться.

Но секунды превращались в минуты, а чудо-одеяния никуда не исчезали. В конце концов Ви не удержалась – очень

уж ей захотелось проверить, что такая красота реальна, а не является плодом воображения. Дрожа с головы до ног, словно новорождённый зверёк, она неспешно, словно во сне, протянула руку к золотистому платью.

Ещё чуть-чуть, и кончики пальцев коснулись бы нежного бархата, но...

«Прошу вас, осторожнее, милое дитя! Это платье сегодня должна забрать его владелица, очень богатая графиня».

Голос звучал не строго и не иронично, он ворковал, словно хозяйка его была голубем, каких в избытке на улицах Фирэла. Однако Ви сразу узнала, что говорила миссис Тэйлор. И отшатнулась от платья, как от золотого бархатного пламени.

Тут же вернувшийся страх не позволил ей обернуться, и Ви пробормотала, обращаясь к чистым дощатым полам:

«Извините».

Миссис Тэйлор остановилась совсем рядом, в нескольких шагах от Ви. Она почувствовала на себе взгляд этой суровой дамы, вот только теперь он отчего-то был не брезгливым, а... Добрым?

«Что вы, дитя, не извиняйтесь! Вам лишь надо привести себя в порядок, и трогайте, что вам угодно, только аккуратно. Эй, Мэри, отведи мисс... Как вас зовут?...».

Ви так смутилась от этого неожиданного вежливого тона и обращения на «вы», что не сразу вспомнила собственное имя.

«Ви, мэм».

«Да, конечно. Мэри, устрой всё, чтобы мисс Ви могла принять ванну и надеть чистую целую одежду. Это новая работница нашего ателье».

Одна из девушек, что возилась с платьями, сделала реверанс и подошла к Ви. Велев ей идти за ней, она последовала к ещё одной двери. Ви ничего не оставалось, кроме как послушаться.

Она переступила порог – и, наверное, именно в тот момент прекратила быть нищенкой Ви. Теперь она стала полноправной Везучей Ви, девочкой на побегушках в одном из лучших ателье Корнерленда.

С тех пор прошло больше четырёх лет.

Глава пятая

Этот день выдался суматошным: у какой-то знатной дамы дочь выходила замуж, и сразу несколько женщин заказали новые платья у миссис Тэйлор. Всю неделю её работницы носились, как безумные, со своими тканями и выкройками, а сегодня, когда платья должны были забирать, и вовсе превратились из девиц в фурий. Там дошить, здесь догладить, а этот рукав и вовсе не готов! Быстрее, быстрее, быстрее! Ви обожала такую суету, но в тот момент даже ей было не по себе. Особенно учитывая, что миссис Тэйлор накануне попросила её подняться пораньше, а Ви никогда не любила слишком рано вставать.

Её появление в ателье началось с того, что её чуть не сбили с ног: швея Энн налетела на Ви, собираясь выйти на улицу, но вместо того, чтобы извиниться, только схватила её за плечо, толкая в комнату:

- Не спи, Ви, тебя уже все заждались! Набери воды для Мэри, она порезала руку, пока разрезала ткань! И забери у Сары кружева, отнеси миссис Тэйлор, она просила показать ей, прежде чем пришивать.

- А ты куда?

- К Лили. Она захворала, а вчера забрала дошивать воротничок, надо принести. Она прислала младшего братиш-

ку сказать об этом, но воротник ему не доверила, он ещё маленький.

Ви спросила из вежливости и думала послушать ответ вполуха, пока принималась за свои обязанности, но теперь застыла.

- Подожди, - снова окликнула она Энн. Собиравшаяся было уже уйти швея закатила глаза. – Кто будет принимать заказчиков, если они придут? Обычно, когда у миссис Тэйлор много работы, этим занимаешься либо ты, либо Лили.

Раздражение на хорошеньком, но уже тронutom первыми морщинами лице Энн сменилось озабоченностью.

- Не знаю, - покачала она головой и перешла на шепот: - Миссис Тэйлор из-за этого тоже волнуется. Сама не своя с момента, как братишка Лили прибежал. Будем надеяться, Лунобог не пришлет заказчиков, да и я постараюсь побыстрее, но Лили живёт на самой окраине. Если что, бросай все и занимайся ими сама. Ты же видела, как это мы делаем?

В другой момент Ви, может, и начала бы задаваться вопросами - дело было ужасно странное! Энн ведь могла бы послать её, да и миссис Тэйлор почти никогда не волновалась так, чтоб ничего не придумать. Но предложение так обрадовало её! И Ви только кивнула с самым важным и серьёзным видом, но на деле едва удержалась от того, чтобы не запрыгать вокруг Энн.

Работа с заказчиками – ведь это то, о чем она так долго мечтала! Конечно, не так сильно, как о красивых платьях и

аристократической жизни, но эта мечта по крайней мере исполнима, и вот, наконец-то, исполнилась. Говорить со знатными дамами – это ведь куда интереснее, чем носиться с ведрами, метлами и тряпьем! К тому же, дамам считалось неприлично передвигаться по городу в одиночестве, а потому являлись они в сопровождении мужей, братьев или взрослых сыновей. Которые, конечно, вполне могли заглядеться на красавицу Ви. Но только если она заговорит с ними, а не будет незримой тенью-девочкой на побегушках. Ви знала, что Элизабет, на место которой её взяли, тоже занималась болтовней с заказчиками, а ещё слыхала про то, как любят некоторые мужчины брать под своё покровительство красивых девиц, позорно забирая их невинность до брака в обмен на деньги, хорошую квартиру и драгоценности. Порой такая девица успевала обзавестись несколькими кавалерами и таким нехитрым трудом накапливала себе денег на яркую юность и безбедную старость. Даже подруги Ви с улиц Фирэла осуждали таких девиц, но она сама – нет. Она понимала, что это единственный шанс исполнить свою мечту, и не только не видела в этом ничего страшного, но и в тайне мечтала, чтобы сопроводитель очередной дамы оказался для неё таким благодетелем.

И вот теперь у Ви представлялась возможность показать своё лицо заказчикам! Уж она-то не использует её даром!

- Покажешь уже готовые модели, потом эскизы, а перед этим ещё спросишь пожелания дамы. Будь вежлива, но не

унижайся. Цены называй честно, а лучше даже чуть повыше – вдруг окажется купчиха и станет торговаться. Мерки сама не бери, жди меня, читать ты научилась бегло, а считаешь дурно, - торопливо давала советы Энн. Ви едва её понимала, унесясь мыслями в своё возможное прекрасное будущее. она уже так и видела, как едет в карете рядом с почтенным господином на какой-нибудь *бал*. Ви не очень представляла, что это, кроме того, что это чудесный праздник для знати, но все равно страстно мечтала туда попасть.

Когда Энн наконец закончила, Ви закивала, делая вид, что внимательно выслушала её. Та улыбнулась, махнула загрубевшей от постоянной работы рукой:

- Ну все, я к Лили! – и убежала.

Ви принялась за свою работу. Четыре года в ателье учили её к тому, что раньше казалось чудом. Ей уже частенько скучно было бегать по ателье и Гаун-стрит по мелким поручениям, и порой приходилось заставлять себя отойти от зеркала или очередного бродячего артиста, чтобы что-то сделать. Сегодня, однако, Ви работала легко, птичкой порхая из одной комнаты в другую, из ателье на улицу, даже с тяжёлым ведром в руках, словно она вновь превратилась в тринадцатилетнюю себя, не верящую, что на неё свалилось невероятное чудо – работа в хорошем месте. Губы сами собой улыбались, сердце билось с быстрой радостью, а колени подрагивали от нетерпения. Ви все казалось, что вот-вот кто-то придет, и этот «кто-то» обязательно снова поменяет её жизнь – как

больше четырёх лет назад леди Маргарет. Только, конечно, это будет не женщина, а мужчина. Наверняка какой-нибудь красивый, и добрый, и сильный – ну точно герой тех любовных историй, какие так часто разыгрывают в передвижных театрах на ярмарках!

На радостях Ви успела уже переделать все свои обыкновенные дела, когда столкнулась с проблемой, о которой отчего-то не подумала. Время шло – вот часы на городских стенах пробили один час, а вот другой, - но к ателье никто не приближался. Скоро уже должна была вернуться Энн, а Ви до сих не воспользовалась своим правом поговорить с заказчиками. Не то что с богатым красавцем, а даже с самой скучной толстухой-купчихой!

Первое время Ви ждала очень спокойно, да и беготня не давала времени на волнение, но в какой-то момент её нервы начали сдавать. Когда наступил полдень, и миссис Тэйлор, оторвав усталые глаза от своих эскизов, сказала ей:

- Можете отдохнуть немного, милое дитя, - она не пошла по своему обыкновению сидеть на простенькой деревянной табуреточке, а только вышла в переднюю залу и остановилась. А затем и вовсе принялась мерить шагами свободный от шитья и выкроек уголок, как будто не была на ногах последние четыре часа.

«Ну, не может же мне сегодня не повезти!», - с каким-то наивным детским упрямством думала Ви. - «Я же Везучая Ви, мне всегда везёт! Тем более я чувствую, что сегодня

должно случиться что-то очень и очень хорошее... Лик Уда-
чи, я ведь твоя любимица, пожалуйста-пожалуйста! Я не
прошу себе какого-нибудь принца, мне бы хотя бы того, с
кем не пришлось бы работать. И чтобы человек был хоро-
ший. А в самом крайнем случае, пусть хоть просто кто-ни-
будь придёт, уж очень хочется побыть лицом ателье, пока все
заняты!».

Но никто не приходил.

Пошатавшись из стороны в сторону и получив упрёк от
работающих девушек, что у них уже глаза болят смотреть на
мельтешащую туда-сюда Ви, она все-таки села к зеркалу.

Высокое и чистое, оно с жестокой правдивостью показа-
ло, как Ви некрасива, если насупится: губы сжались, почти
исчезнув, румянец превратил аристократичную, необычную
для беднячки бледность в красное лицо крестьянки, светлые
брови, сдвинувшись, не только посадили на лоб морщинку,
но и почти совсем потерялись на лице. И только ателье по-
зади Ви было прежним: стены и манекены на месте, входная
дверь такая же деревянная, резная, со стеклянным окошеч-
ком...

Дверь.

Ви замерла, не сводя глаз с отражения входа в зеркале и
боясь поверить. Наверняка это Энн, уже вернулась, и Ви не
повезло упустить возможность общения с заказчиками.

Но Энн отворяла дверь легко и быстро, влетая в ателье
как птичка. Тот, кто входил теперь, тянул на себя ручку с

явным трудом. Ви даже удивилась – ребенок, что ли? Но все остальные девушки на месте, некому посылать своих младших предупреждать о болезни.

Когда дверь наконец открылась, первым, что услышала Ви, стал звонкий крик. Она оказалась права в своих догадках: закричал мальчишка, у которого ещё не начал ломаться голос.

- Проходите, сэр! – бодренько раздалось с другой стороны двери: кажется, мальчишка был слугой и держал её для своего господина.

«Сэр», - мысленно повторила Ви и обернулась, сиюсь сдерживать улыбку. Неужели её мечта сбылась? Неужели к ним пожаловал какой-то мужчина, достаточно обеспеченный, если у него есть прислуга?

Но почему он тогда один? Ателье миссис Тэйлор женское! Или жена послала его забрать своё платье? Но разве женщины не приходят за этим сами, чтобы померить его и что-то исправить в случае чего? И не присылают своих служанок, если сами не могут прийти? Ви прикусила губу от любопытства, но тут же её отпустила. Будет нехорошо, если её увидят с покрасневшей губой, а то и, упаси Лунобог, прокушенной.

Все это она проделала и продумала очень быстро, за какие-то пару секунд. В это же мгновение в дверях появился тот, кого мальчишка назвал сэром.

Одежда – первое, за что зацепился взгляд Ви – очень недурная: бархатный, синий с узорами жилет, светло-голу-

бые брюки и темный сюртук выглядели дорогими даже на её взгляд, а уж за время работы в ателье Ви научилась различать ткани. Только потом она взглянула выше. Вошедший оказался среднего роста, не мальчиком, но и не слишком старым – Ви дала бы ему лет тридцать, не больше. Не смотря на это, в волнистых каштановых волосах проблескивали седые волоски. Над головой молодого господина возвышался цилиндр, в руках, скрытых дорожными чёрными перчатками, он сжимал трость, очень красивую – тоже чёрную, с золотыми узорами и золотым же набалдашником в виде головы какого-то животного – кажется, лисы. Лицо скорее худое, на тонком носу маленькая горбинка. Глаза...

Ви даже вздрогнула. Да уж, не это она имела ввиду, когда просила Лунобога послать к ним в отсутствие Энн «хоть кого-то»! Глаза мужчины были... Пустыми. Ни зрачков, ни радужки – просто белые, и все. Слепец. И Ви, как и любой уважающий себя корнерлендец, хорошо знала, что это не просто несчастный калека. *Такой* слепотой страдают представители лишь одного народа, когда-то прогневавшего Лик Возмездия настолько, что тот наказывает их вот уже триста лет подряд! Это ардиец!

Ардийцев в Корнерленде не жаловали, впрочем, они были здесь редкими гостями. Молились они Зрячему Богу, но на самом деле всем было известно, что бог этот – модье, и Лунобог терпеливо ждет, когда ардийцы перестанут ему поклоняться, чтобы вернуть им их глаза. Во всяком случае, так

говорили все простые люди, если речь заходила об Ардии. Что друг о друге думала знать двух стран, Ви не знала и, по правде говоря, мало этим интересовалась. Она, как и все её знакомые, побаивалась ардийцев из-за моды и риска подхватить эту их Слепую Чуму, хоть эпидемия и кончилась три века назад. А потому старалась обходить редких белоглазых прохожих далеко стороной.

Но вот теперь страшный (или не слишком?) белоглазый ардиец пришёл к ним в ателье вместе с мальчишкой-служгой, что вбежал следом за ним. Испугавшись глядеть в пустые глаза, Ви быстро перевела взгляд на ребёнка, и заметила, что он, лет десяти на вид, для слуги одет тоже очень неплохо. Да и выглядит здоровым и сытым. А еще он был зрячим, говорил по-корнерлендски чистенько. Наверное, местный.

Отчего-то Ви это немного успокоило. Достаточно, чтобы заметить, что девушки отвлеклись от работы и с любопытством поглядывали то на странного иностранца, то на неё. Ви тут же вздернула нос и приосанилась. Пусть мужчина не может её видеть, перед своими коллегами она не желала выглядеть перепуганной рассеянной маленькой девочкой. Ей восемнадцать, она красивая и очень умная! И легко поговорит с любым аристократом, даже ардийским!

- Доброго дня, сэр. Что вам угодно? – как можно более дружелюбно спросила Ви, вставая со своего места. И на всякий случай добавила: - Вы находитесь в ателье миссис Тэйлор, которое шьет женскую одежду.

Ардийский господин уже давно остановился в центре залы, заложив руки за спину и гордо подняв голову. Мальчишка стоял рядом с ним, но когда Ви встала, отчего-то совсем прижался к нему, дергая за полу сюртука. Иностранца это ничуть не удивило. Он даже не шевельнулся, и лицо его осталось равнодушным.

- И вам доброго дня, миледи. Мне это известно, - произнёс он отчего-то почтительно, так, как не разговаривают с торговками, швеями и даже модельерами. Голос господина был тихим и не слишком низким, но приятным. По-корнерлендски он говорил очень неплохо, хотя и с акцентом – раскатистая «р», слишком длинные гласные, и ударения будто на всех буквах сразу. Ви вздрогнула, когда подумала про эти особенности. В сердце что-то неприятно кольнуло.

Потому что у нее тоже был акцент, как когда-то давно заметила леди Маргарет, которую она, кстати, ни разу не видела за время работы в ателье. Куда менее заметный, чем у этого господина, но... Такой же. Или очень похожий.

Ви почувствовала, как стало жарко щекам. Она ведь не помнила, откуда уплыла...

«Нет-нет-нет-нет. Я не могу ардийкой. Я хорошая. И я вижу. Разве я похожа на ту, кто молится модье и ходит с палочкой, как калека?».

- Что вы, сэр, - мягко усмехнулась Ви вслух, стараясь не слишком показывать свой ужас и не терять остатки вежливости. – Я не леди, я только работница этого ателье. Меня

зовут Ви.

Представляться не входило в обязательную часть работы с заказчиками, но Ви не удержалась. Она так долго готовила речь, которую произнесет, если с ней заговорит аристократ мужского пола, что некоторые фразы прорывались даже в разговоре со слепцом. Хотя это было бессмысленно.

Или нет, потому что иностранец вдруг чуть заметно улыбнулся.

- Правда? – переспросил он. – А голос у вас в самый раз для леди, мисс Ви.

Это звучало как комплимент – один из первых комплиментов от мужчины в жизни Ви, если не считать сальных словечек пьяниц. Она почувствовала, что краснеет еще сильнее и тоже начинает улыбаться. Ви даже не думала связываться с армийцем, но то, что кому-то она понравилась даже без своего лица, ей польстило.

«Он просто очень галантен», - тут же строго осекла себя Ви и продолжила:

- Рада это слышать, сэр, но вынуждена повторить вопрос: что вам угодно?

Теперь иностранец улыбался уже во все лицо.

- То, за чем приходят в ваше ателье, мисс: платье. Вероятно, - продолжил он, почувствовав недоумение Ви, - вас удивляет, почему я пришёл без барышни, которая станет носить это платье. Дело в том, что я бы хотел сделать ей сюрприз.

- Вот как, - кивнула Ви, надеясь, что её голос прозвучал

понимающе. На деле она с трудом подавила раздражение.

Сюрприз, значит. Барышне. И кому же? Невесте? Жене? Любовнице? Значит, и правда лишь проявил галантность, говоря о голосе Ви...

«Он все равно ардиец и к тому же слепой», - тут же на помнила себе Ви, - «что я злюсь?».

Размышления не слишком мешали ей продолжать разговор:

- Но как же мерки, сэр? Как мы узнаем, какое платье должно быть по размеру?

Иностранец помолчал, а потом заговорил на своём языке, таком же, как его акцент – мурчащем и тягучем, словно мед. Ви поняла, что он обращался к слуге, когда услышала, что и мальчишка ему отвечает. Почему-то косясь на неё своими большими глазами.

- Благодарю, Бен, - наконец закончил ардиец уже по-корнерлендски. - Мой слуга говорит, что, если вы померите это платье, мисс Ви, оно будет в самый раз моей барышне. Вы с нею очень похожи.

Ви почувствовала, что горло пересохло, и судорожно сглотнула. Она видела, что теперь уже все девушки смотрят не на слепого, а на неё. Незнакомый господин уже второй раз сравнивал Ви со знатной девицей. Это одновременно было приятно и очень пугало. Скорее пугало, потому что комплименты делал не абы кто, а ардиец, так еще и очень странный. Ви никогда не видела, чтобы платье заказывали в подарок

без девушки, не принеся даже её одежды, чтобы снять мерки с неё, и уж тем более чтобы этим занимался чудаковатый иностранец! Быстро сжав и разжав ладони, она поняла, что те вспотели. Если бы кто-то сейчас взял Ви за руку, она бы умерла со стыда. Одна из причин, по которой Ви очень хотела стать знатной и носить перчатки.

- Разве вашей барышне, - сдавленно спросила Ви, - будет приятно носить платье после того, как его мерила простая гризетка?

- Ещё как, мисс Ви, - спокойно отозвался ардиец.

Ви несколько раз глубоко вздохнула, чтобы вернуть себе хладнокровие и продолжить уже деловым тоном. Этот господин странный и страшный, но она не позволит себе подвести миссис Тэйлор! А то ей больше никогда не доверят разговор с заказчиками, и она не сможет встретить другого, нормального человека.

- Хорошо. Какое платье нужно, для каких целей, сэр?

Ардиец повернул голову в другую сторону и прикрыл глаза, будто задумавшись. Ви стало спокойнее, когда пустые белки скрылись за тёмными ресницами. Таким господин выглядел почти красиво.

- Полагаю, барышня обрадуется любому, - изрек он наконец. - Быть может, позже я даже закажу несколько на разный случай. А пока не помешало бы платье для прогулок.

Ви кивнула, поздно спохватившись, что собеседник этого не увидит, и сразу завертела головой в поисках необходи-

мого. Платья для прогулок шили из двух тканей, разных по цвету и материалу. Модницы и богачки предпочитали яркую одежду в полоску или клетку, чтобы на фоне тусклых Фир-эльских зданий их было видно издалека. Большая часть тканей сейчас, правда, ушла на свадебные платья, а новые миссис Тэйлор ещё не заказывала, но вдруг что-то осталось?

На другом конце залы Ви обнаружила пустой стол, на котором лежала новая ткань. Цвет её мечты, пурпурный. Если к этому атласу добавить тонкий зелёный шёлк, получится очень недурно! Ви бы наверняка пошло, хотя ей об этом можно даже не мечтать... Но если барышня этого господина похожа на неё, Ви...

Она с трудом заставила себя отвлечься и продолжить:

- Какие цвета стоит использовать, сэр? – это был ещё один скорее вызубренный вопрос, и Ви снова спохватилась не сразу. Он ведь даже не представляет, что это такое! – Простите, сэр.

Но ардиец и не думал оскорбляться. Кроме той краткой улыбки в начале их разговора, он все время стоял с непроницаемым лицом. Вот и сейчас ни один мускул на нём не дрогнул.

- Вам не стоит извиняться, мисс Ви, это обыкновенный вопрос в таких случаях. – все также ровно произнёс иностранец. Ви вздрогнула в который раз за разговор. Отчего-то ей вспомнился первый день в ателье. Миссис Тэйлор тогда тоже просила её не извиняться. Вот тебе и очередная странность!

- Поскольку я не могу помочь в этом и также не могу доверить столь важный вопрос моему слуге, я бы хотел, чтобы цвета подобрали вы. Правда, мое условие – цвета выбираете только вы, и никакая другая работница или даже сама... Миссис Тэйлор. Ведь, как я уже сказал, вы похожи на ту, кому я подарю это платье.

Если до этого девушки с любопытством смотрели на Ви и странного заказчика, то теперь она отчётливо слышала шепотки. Никогда мужчина не приходил один выбирать платье, однако это еще можно понять. Но велеть определённой работнице ателье подобрать цвета, поставив её чуть ли не выше владелицы! Воистину неслыханно!

Сама же Ви почувствовала, что уже не просто покраснела, а превратилась в настоящий помидор. До этого она не могла до конца осознать, что ей кажется странным в этом господине. Теперь она догадалась: непонятно, чего он хочет. Он как будто говорит одно, но имеет ввиду другое. Иначе, почему-то показалось Ви, он не стал бы постоянно говорить и про неизвестную барышню, и про неё.

Очень странно. Очень пугающе. Даже для ардийца.

- Хорошо, сэр, - только и смогла, запинаясь, вымолвить Ви.

Услышав её подрагивающий голос, ардиец открыл глаза, снова став слепым и страшным. Его рука, покоящаяся на набалдашнике трости, забарабанила по ней пальцами. А ещё... Ви, может, показалось, но его щеки покрыл румянец, а лоб

заблестел. Будто бы иностранец смутился.

- Фасон, материал – все на ваш выбор, мисс Ви, - добавил он неожиданно торопливо. – В деньгах ограничений нет, используйте все самое лучшее. Нужно ли что-то ещё?

Ви показалось, что после её последнего ответа этот господин резко захотел уйти из ателье. Ей это не понравилось, но не напугало, а, скорее, раздосадовало. Она же была очень вежлива, несмотря на страх! Что она сделала не так? Ну, хотя бы покупать не отказался.

И все-таки он чужак.

- Ещё ваше имя, сэр.

Приступ смущения, или испуга, или одержимости модье, что там было у этого ардийца, прошёл. Его голос вновь зазвучал ровно и даже с гордостью. Наверное, имя у него было очень знатным:

- Артур Колиньи.

Ви вновь покрутилась в поисках бумаги, на которую можно было записать, и столкнулась взглядом с Мэри. Та уже давно успела перевязать руку и теперь возилась с тканями дальше. На её столе лежали выкройки и пара карандашей, а потому она, улыбаясь и с трудом сдерживая смешки, как и остальные девушки, помахала Ви карандашом и постучала им по срезанным кусочкам выкройки – я, мол, пока сюда запишу, а потом перепишем в тетрадь ко всем остальным заказчикам. Ви с благодарностью кивнула и вновь взглянула на ардийца.

- Тогда... Это всё, сэр, - сообщила она ему, чувствуя огромное облегчение. К нему, впрочем, примешивалось что-то ещё... Будто какая-то часть Ви хотела, чтобы этот Артур Колиньи задержался. Наверное, ей просто понравилась работа с заказчиками, несмотря на то, что попался самый странный из них.

- Отлично, мисс Ви, - он сделал пару неуверенных шагов назад, а потом почему-то вдруг ударил ногой о пол, как лошадь. Каблук кожаного сапога, столкнувшись с крепким деревянным полом, издал громкий стук.

Ви с недоумением нахмурилась. Этот жест отчего-то казался смутно знакомым, и вроде значил нечто хорошее, но она не могла понять, что. Она покосилась было на мальчишку-слугу, но тот тут же отвёл глаза в пол. И очень обрадовался, когда его господин проговорил:

- Я найду на днях, мисс Ви, проверить, как проходит пошив платья. До свидания, - и направился к выходу.

- До свидания, сэр, - едва успела бросить ему вслед Ви, прежде чем господин Колиньи с удивительным для слепого проворством вышел из ателье.

Едва за ним закрылась дверь, ателье пришло в движение. Все из себя важные и занятые с самого утра девушки не могли не начать то, что с трудом заставляли себя не делать все время визита чудака-ардийца – зубоскалить.

- Не зря ты целыми днями трещишь о своей красоте, Ви, - заметила Сара, пришивающая к одному из платьев кружева.

– Вон, даже слепой ардиец влюбился!

- А может, это и не ардиец, - громким шепотом подхватила Мэри. Её голос зазвучал так, будто она рассказывала страшную историю, - а обычный человек, который до этого где-то увидел нашу Ви и ослеп от её вида!

- И платье он заказал не барышне, а Ви, просто скрывается, - мечтательно добавила Сибилла, самая юная в их компании. Ей было пятнадцать, и она обожала все романтическое.

Слушая все это, Ви, которая безуспешно пыталась отдышаться, покраснела снова. Её, в отличие от других, Колиньи напугал. И ничего в этом нет смешного! Тем более что на деле он наверняка преследовал свои цели, но никак не влюбился. Нельзя влюбиться в голос, а лица Ви он видеть не мог.

- Да ну вас! – бросила она, а когда девочки продолжили хихикать, запустила в них комочком срезанной ткани.

В болтовне и смехе странный ардийский господин если не забылся, то быстро превратился из жуткого в очень забавного. Это была одна из многих причин, по которой Ви, при всей своей нелюбви к мелким поручениям, ранним подъемам и вообще работе, любила ателье.

Здесь весело. И это её дом.

* * *

Ночью Ви лежала в своей комнатке. На окнах были решётки, как в темнице, чтобы никто не залез внутрь и не

украл немногое добро квартирной хозяйки, а потому тусклый свет уличных фонарей проникал внутрь ровными квадратами. Дешевенькие жёлтые обои и немногая мебель – кровать, стул и сундук – с трудом узнавались в этом свете. Снаружи слышался обыкновенный для ночного Фирэла шум – скрежет пролеток с каретами; ругань нищих и пьяниц, делающих милостыню и места для попрошайничества; шелест метлы дворника, который пытался привести улицы хоть в сколько-нибудь приличный вид после грязного дня; плач новорожденного ребенка – но это уже не на улице, а этажом выше.

Ви не могла уснуть. Она все думала. Неужели девочки правы, и она понравилась этому господину? И как к этому относиться? Он ведь ардиец. Все ли ардийцы дурны? И не ардийка ли сама Ви?

От этого вопроса ей стало так жарко, что пришлось подняться и налить себе воды из огромного грубого кувшина, который стоял на столе.

Она не могла уснуть до самого рассвета. А когда наконец на пару часов перед подъемом забылась беспокойным сном, ей приснился человек с маленьким мальчиком и белыми глазами. Он держал в руках окровавленное детское платье и читал стишок-молитву о Ликах.

Глава шестая

Звуки рояля раздавались из гостевой залы. То высокие, то низкие, они лились плавной рекой, сплетаясь в восхитительную мелодию. Если стоять и долго прислушиваться, можно ощутить, как музыка чарующей магией проникает в самую душу, трогая в ней то, чего в ней, казалось, до начала игры и в помине не было.

Рауль, впрочем, не стоял. Едва заслышав рояль, он бросился в залу, довольный тем, что он так быстро нашел, кого искал. Широкие коридоры Авёльского дворца с их высокими потолками и почти полной пустотой всегда хранили в себе не только запахи мастики и цветов, но и эхо. А потому стук его домашних ботинок неся далеко вперёд него навстречу музыке, растворяясь в ней также, как сам Рауль растворялся в своих чувствах к играющей на рояле девушке.

Он бежал по коридору, а в голове у него, как в маленьком *рыжем* дворце, так же бегали мысли. Прежде всего радость, конечно - то-то она обрадуется, когда он ей расскажет! Рауль дожидаться не мог момента, когда увидит, как её маленький рот изогнется в хорошенькой улыбке, как появится радость в её чужеземных *голубых* глазах. С другой стороны был страх. Если о том, что он бежит, услышит месье Ришар, его гувернер, быть беде! В лучшем случае, начнет отчитывать – а это на час, не меньше. В худшем – скажет отцу. Впрочем, нет.

Отец, пожалуй только посмеётся. А вот мачеха... Леди Карлотта – та ещё гадина, пусть она и королева. Рауль так и слышал её голос, холодный, безукоризненно вежливый и отвратительный, как шипение змеи: «Вашему Высочеству не пристало бегать, как какому-то уличному мальчишке. Вы должны нести себя с достоинством, месье Рауль. К тому же, бегая, вы не пользуетесь бороздами, это небезопасно». Она ему это сказала на прошлой неделе, и Рауль чуть ли не до крови прикусил язык, чтобы не сказать: он ещё успеет научиться нести себя безопасно и с достоинством, когда станет королём. А пока он принц, может делать, что хочет.

Рауль скривился, когда почувствовал, что к страху теперь примешалась злость. Как же он не любил леди Карлотту! Пожалуй, столь же сильно, сколько любил её дочь...

Вбежав в залу, Рауль резко остановился. Плоские домашние подошвы заскользили по паркету, и он чуть не влетел в какую-то вазу. Он, впрочем, даже пожалел немного, что не разбил эту безделушку: подобные штуковины появились при дворе только два года назад, когда отец женился на зрячей королеве Пазехии. Которая привезла с собой не только добрую сотню придворных, но и всякие предметы без звуков и запахов, красивые сами по себе и абсолютно бесполезные для большей части ардийцев. Вазы, высокие, фарфоровые, с тем странным заморским видом искусства, который называется живописью, на пышных боках, были одними из этих предметов. Какой-то части Рауля нравились эти штука-

вины, а ещё больше нравилось, когда какой-нибудь придворный пазехиец соглашался утолить его любопытство и рассказать, сюжет из какого древнего эпоса изображён на вазе или, скажем, плоской странной штуке, которую надо вешать на стену, *картине*. Но поскольку принадлежало это все леди Карлотте, ещё больше Рауль радовался, если какую-то из игрушек для зрячих иностранцев роняли. В такие моменты ему было жаль только прислугу, которую за это сурово наказывали.

«Интересно, что Карлотта сделает со мной, если я что-то разобью», - подумал Рауль, все-таки отступая от вазы на пару шагов. - «Расскажет отцу, что я зря...», - он оборвал себя на полуслове, слишком страшной показалась мысль. - «Да нет, она никогда... Ни она, ни её придворные, хоть это и странно».

Он обернулся наконец к роялю.

Перед громадным инструментом, *чёрным*, как крылья ворон и кудри леди Карлотты, на маленькой круглой табуретке сидела девочка. Тоненькая и хрупкая, она напоминала розу, какие стояли во всех коридорах – вроде как для приятного аромата, но Рауль знал, что это тоже ввела Карлотта, у которой так украшали дворец в Вигоре. Волосы девочки переливались на солнце, словно речные воды, и сами цветом походили на лунные или солнечные лучи. Она была в пазехийском платье – цвета жемчуга, тоненьком, без корсета, с высокой талией, и казалась созданием из другого мира. Она и

была из другого мира, из мира зрячих, как и Рауль. Только её Раулю было куда жалче, чем себя. Он-то с рождения живёт в стране, где видеть – преступление, а зрячие – еретики, живёт только потому, что даже его отец не знает, какой он, а если бы узнал, то наверное, лишил бы своего имени, посчитав плодом измены. И потому ещё, что его слово весит дороже любого чужого, и что если какой-то ардиец назовет его зрячим, он назовет его также, и отец скорее поверит Раулю, чем кому-то ещё. А она двенадцать лет жила под нежным взором Лунобога в Пазехии, где зрячим быть нормально, а слепые, напротив, калеки. Для неё пустые глаза большинства местных кажутся жуткими, она с рождения различает цвета и знает их названия, и *картины* ласкают ей сердце. Ей, наверное, здесь особенно тяжело живется, хотя она никогда не жаловалась.

Ну, может, хотя бы сегодня немного обрадуется.

Она должна была не только увидеть, но и услышать Рауля, однако отчего-то не обернулась, а продолжила играть. Рауль вдруг узнал музыку – это был «Романс о Слепой Чуме», только без слов. В нём пелось о самом начале Слепой Чумы и о том, как юноша и девушка полюбили друг друга, но девушка заболела Слепой Чумой и так и не смогла выздороветь. Несколько куплетов она теряла зрение, сначала видя своего возлюбленного хорошо, но с каждым днем хуже и хуже, пока наконец не погрузилась во тьму, оставшись наедине с одним только его голосом. Тут она должна была бы выздоро-

веть, оставшись слепой, но Зрячий Бог распорядился иначе, и она умерла под пение своего любимого, который так, пением, её успокаивал. Рауль помнил, как в детстве расплакался, когда ходил послушать пьесу по этому романсу в Авельский театр. Отца позабавила такая сентиментальность, а матушка его обняла и долго успокаивала, сказав, что это выдумка, и самое правдивое в этой истории – сам факт Слепой Чумы.

Сейчас звучал почти самый конец романса, где девушка умирала. Рауль сморщился. Сейчас сопливая песенка не вызывала слез, но сочетание этого отрывка и того, что его, Рауля, игнорировали, ему не понравилось.

- Марлена! – закричал он, перебивая музыку и стараясь, чтобы голос звучал позадорнее. Она продолжала играть. Рауль решил сразу перейти к новости, ради которой он и примчался: - Слушаешь, Марлена? Он помер! Этот жуткий старикашка, дядька гаренийского короля, за которого тебя сватали! Я слышал, как отцу принесли письмо после завтрака, и как он обсуждал это с Крисом. Ты рада? – она все играла, и Рауль подошёл к табурету почти вплотную. Теперь какие-то несколько сантиметров отделяли его от её волос, пахнущих маслами и травами, тонкой голубиной шейки и маленьких рук, что так ловко танцевали по клавишам. – Прекрати играть и ответь, Марлена! – жалобно попросил он, отчаянно надеясь, что в его словах не слышно капризного тона принца.

Музыка наконец оборвалась, но Марлена даже не подумала к нему обернуться. Её пальцы так и остались на клави-

шах, казалось, готовые в любой момент продолжить. А сама она выпрямилась, хотя и прежде сидела очень прямо. Словно хотела отстраниться от Рауля.

- *Леди* Марлена, - наконец прорезал тишину гостинной залы её тихий высокий голос. Рауль привык, что в разговоре с ним голос этот звучит нежно, но сейчас он оказался неожиданно холодным.

Рауль не понял ни того, что он сделал не так, ни того, что она сказала.

- Что? – переспросил он и даже немного отстранился от табуретки.

Марлена по-прежнему не оборачивалась, глядя на свой рояль.

- Вы должны обращаться ко мне «леди Марлена» или «Ваше Высочество». Точно также, как я к вам - «Ваше Высочество» или «месье Рауль».

Казалось, её голосом говорил чужой человек. Рауль слышал – такое бывает у женщин, если они обижаются. Но с чего это Марлена обиделась? Все же было хорошо...

Он снова приблизился к ней, решив сменить веселость и настойчивость на нежность. Может, это растопит странный холодок в её голосе?

Склонившись над Марленой, Рауль приобнял её за плечи, чувствуя даже через жилет и сорочку её худую горячую спину.

- Ну что ты? – еще более жалобно спросил Рауль, стараясь

говорить Марлене на ухо, но так, чтобы его волосы – относительно длинные, до плеч, - не лезли ей в лицо.

Марлена резко подалась вперёд, пытаясь вырваться из его рук. Рауля это напугало. Он тут же отпустил её. Сердце сжалось, а на коже появилось мерзкое ощущение грязи. Как будто Рауль только что совершил что-то дурное. Но разве это так? Он же не дочку горничной против её воли к стенке прижимал – увидев, как кто-то такое делает, Рауль первый бы мерзавцу в нос дал! Он постоянно обнимал Марлену, когда никто не видел, и она только радовалась. А что сейчас не так?

- Не трогайте меня! – тем временем резко бросила Марлена. А затем наконец обернулась. Рауль увидел, что её лицо *покраснело*, из похожего на личико фарфоровой куколки начав напоминать помидор. Глаза – красивые, как небо или простецкие лесные цветы васильки, метали молнии. Кажалось, она вот-вот расплачется.

Марлена внимательно его оглядела, словно ища что-то, за что можно зацепиться, спасаясь от слёз. И, на удивление, нашла.

- Вы ещё и босы! – вдруг возмущенно заверещала она, как будто ночью Рауль в одних штанах и рубашке, даже без домашней обуви, её чем-то смущал. - И на вас нет перчаток! Тем более не смейте меня трогать, когда вы в таком виде!

С этими словами Марлена отвернулась. Рауль увидел, что её плечи задрожали, и почувствовал, как в животе связывается неприятный узел. Он растерялся, не понимая, что де-

лать и почему она все-таки так себя ведёт.

- Ничего подобного! – решил ответить он на первое замечание Марлены, потому что уверен он был только в нём. - Я не босой. Подумаешь, туфли домашние! И перчатки – это ведь кожаные тряпочки, ерунда. – Рауль надеялся рас смешить Марлену своим шутливым возмущением, но понял, что лучше не стало, и вновь сделался серьёзным. - Что с тобой стряслось?! Расскажи! – и, вспомнив еще один её упрёк, поспешно добавил: - Расскажите... Ваше Высочество.

Худенькая ручонка Марлены в перчатке того же цвета, что и её платье, потянулась к лицу. Раулю могло показаться, но, кажется, она хотела вытереть слезы.

- Оставьте меня. – уже не криком, а шепотом попросила она. Это прозвучало искренне, в отличие от следующей фразы: - Я плачу по своему суженому. Вы очень дурно поступаете, радуясь его смерти.

«Да иди ты к модье со своим суженым! Ты его видела хорошо если на этих плоских штуковинах... *Портретах и фотографиях*».

- А ты дурно поступаешь, пытаешься лгать ардийскому принцу! – не удержался он от возмущения и вслух. Теперь в голосе уже точно зазвучали приказные нотки, от которых Рауль так старался отучиться. - Ты была грустной, ещё когда я вошёл!

Он, впрочем, выбрал не того человека, которого можно тыкать носом в титул.

- Я пазехийская принцесса, - парировала Марлена, так резко разворачиваясь к нему, что ее волосы взметнулись, словно пламя лунного цвета. Она тоже заговорила гордо и высокомерно, как положено принцессе. – Я могу лгать, кому хочу, кроме Его Величества, моей матушки и Зрячего Бога!

Несмотря на всю серьёзность ситуации, Рауль с трудом сдержал улыбку. На первый взгляд Марлена Русполини могла показаться тихоней, хорошенькой, но скучной. Однако она была единственной ровней Раулю, не ниже и не выше его, и только она умела ставить его на место, напоминая, что даже будучи принцем он не всегда главный. Это её качество нравилось Раулю, пожалуй, даже больше, чем другие.

- Можешь, конечно, – смягчил свой тон Рауль, чувствуя, как быстрый порыв возмущения исчезает. - Но разве хочешь? Вот я никогда тебе лгу, потому что не хочу. А не хочу, потому что люблю тебя.

Марлена больше не отворачивалась, но Рауль заметил, что взгляд она отвела. Казалось, она смотрела, как говорят пазехийцы, в одну точку, то есть всюду и в никуда. Так бывает, когда человеку неприятно о чём-то говорить. Или о чём-то слышать.

«Не о моей же любви?».

Марлена вздохнула.

- В этом и дело, Ваше Высочество, - печально и как-то даже обречённо проговорила она. - Вы меня любите, но не братской любовью.

«Значит, о любви. Но я не должен любить тебя братской любовью. Ты мне не сестра!».

По крайней мере, Марлена не была его родной сестрой. Два года назад отец Рауля, король Ардии Лоран Д'Альвар, женился на вдовствующей королеве соседней Пазехии, Карлотте Русполинни. С тех пор Ардия и Пазехия объединились в конфедерацию – это официально, а если быть точнее, гордая страна зрячих Пазехия подчинилась небольшой и слепой, но технически развитой Ардии. Теперь Пазехия не вела собственную внешнюю политику, целиком полагаясь на «страну-сестрицу», как их называли в газетах, передавала беглых зрячих с ардийским гражданством соверии и согласовывала все свои действия не только с Карлоттой, но и с отцом Рауля.

А ещё это значило, что Марлена, дочь Карлотты, Раулю сестра. Он знал это с самого начала, с того дня, как встретил её, сидя верхом, на перекрытом соферами Авельском вокзале, сходящую с личного паровоза отца, в простеньком дорожном платье. Знал – и всё равно влюбился. Впервые в жизни и, как казалось Раулю, навсегда. Ещё за день до того он расхохотался бы над ровесником, который протягивал девочке цветы, а потом... И Марлена ведь тоже! По крайней мере, так Раулю казалось.

Но вот теперь она напоминает ему не только, что она принцесса, но и что он – её сводный братец. Рауль сжал зубы так, что, казалось, они закрипели на всю залу.

- Это *леди* Карлотта тебе сказала, да? – поинтересовался он, стараясь говорить спокойно и чувствуя, что с каждой секундой злость возвращается. Не на Марлену, конечно – на ее матушку.

Марлена, бедняжка, всё ещё глядела в одну точку и чуть не плакала. Когда она заговорила снова, голос её зазвучал безжизненно, словно у неё кто-то умер. И явно не пятидесятилетний жених из Гарении.

- Она нас видела ночью. Или её люди, не знаю.

Раулю живо представилась сегодняшняя ночь. Огромная луна висела над дворцовым парком в *синем* небе, словно вылитая из золота или серебра. Величественные статуи, сохранившиеся со времён ещё до Слепой Чумы или привезённые кем-то из Д'Альваров задолго до рождения Рауля, казались не знакомыми *серыми* увальнями, как днём, а загадочными призраками из древних поверий. Цветы и кустарники, прежде, как и в коридоре, растущие исключительно для запаха, а теперь приведённые в порядок Карлоттой, кружились вокруг них, двух будущих монархов, словно пары на балу. Сверчки пели свою природную песню, которая в тот момент казалась красивее, чем сложные композиции, которые старательно выводили величайшие скрипачи и пианисты Ардии на праздниках. Пахло розами, лилиями и свежестью. Трава мягко щекотала ноги, а плитка – холодила.

Марлена звонко смеялась, когда Рауль вёл её знакомыми тропинками, а потом останавливал под каким-нибудь дерев-

цем, целуя или предлагая станцевать что-то самое забавное и противоречащее правилам этикета в их жизни. «Мы словно на сцене в театре», - восторженно шепнула она ему тогда. - «Только там пейзажи такие красивые, а люди – такие счастливые». Она, конечно, говорила о пазахийском театре. В Ардии театр был другой – без декораций, да и сцена там отличалась от заморских. Ардийские актёры не ходили и не плясали, исполняя своё творчество для незрячей публики. Они лишь говорили и иногда изображали иные звуки: дуновение ветра, звон, с каким сталкиваются современные сабли с рапирами или старые мечи, звуки выстрелов, если показывали иностранную драму – в Ардии личное огнестрельное оружие вроде револьверов, каким в совершенстве может овладеть только зрячий, было не в почёте. Самих актёров было совсем не видать: они находились в особой комнате, выстроенной так, чтобы звуки лучше распространялись по театру.

Рауль вздрогнул, вырываясь из сладкого омута воспоминаний. Ситуация-то была совсем несладкой. Их заметили! Но кто же? Да он высечь велит этого паршивца, если это был кто-то из прислуги!

- Утром она меня ударила, - продолжала Марлена, и обычно добрый к людям всех сословий Рауль прочно утвердился в своём жестоком желании. – И отправила меня к королевскому лекарю, чтобы он... - она совсем *покраснела*, - проверил, девица ли я ещё.

У Рауля внутри всё похолодело. Он слабо представлял,

как это происходит... Когда девица перестаёт быть девицей и становится женщиной. Знал только, что дурно, если это происходит до первой брачной ночи, да слышал шепотки молодой прислуги, в подробностях обсуждавшей, как это было у них. От последнего Рауля выворачивало. Он любил Марлену, но не представлял, насколько надо любить человека, чтобы делать с ним то, о чем они говорили, из своего желания, а не ради продолжения фамилии. Впрочем, Рауль был ещё ребёнком. Он терпеть не мог, когда взрослые говорили ему эту фразу, но, может, когда он вырастет, то поймёт?

В любом случае, предположение леди Карлотты, что Рауль стал бы порочить честь Марлены, его очень сильно покорило. Даже оскорбило.

- Нам обоим по четырнадцать! – почти закричал он. Голос сбивался, ушам стало жарко, и едва ли причиной был зной шалера. - Разве мы стали бы... - он замахал руками, не в силах продолжить. Когда-то Рауль не понимал, откуда у него такая привычка, если другие всё равно не увидят, но благодаря Марлене понял: иногда движения говорят больше слов, даже на расстоянии. - Твоя мать просто!...

Но Марлена, казалось, ничего не слышала и не видела. Как и Рауль, на миг она погрузилась в воспоминания, только очень неприятные.

- Это было ужасно. – совсем уж тихо сказала она. Рауль тут же замолчал и остановился. - Очень унижительно. Я едва не лишилась чувств.

Какое-то время Рауль молчал, не в силах отвести глаз от Марлены и понятия не имея, что сказать. Какие слова будут выражать сочувствие и извинения, а не пресную вежливость.

«Говорят, крестьян не учат говорить грамотно и культурно. А нас вот не учат говорить искренне. Даже не знаю, что хуже».

- Я... Я поговорю с Карлоттой. – наконец сумел выдать он. Имя мачехи оставило на языке горький привкус. Рауль на миг вспомнил её статную фигуру и суровый голос, и его передёрнуло. Он поспешно исправился: - Скажу отцу, чтобы он поговорил!

- И что же вы ему скажете? – поинтересовалась Марлена. - То же, что и мне, что вы меня любите? И что ответит он?

«Ничего хорошего», - подумал Рауль. – «Спросит, где это видано, чтобы дети короля и королевы, находившихся в законном браке, потом тоже поженились. Скажет, что это глупо, что через два года Марлена достигнет совершеннолетия, и ей подыщут достойную партию, а ещё через два тоже самое ждёт и меня».

Он мог бы соврать Марлене, сделать вид, будто не понимает всего этого и верит, что отец сможет решить эту проблему с той же лёгкостью, с какой нанимал Раулю учителей и велел вычеркивать из меню продукты, на которые у него была аллергия. Но так было бы только хуже.

Поддавшись внезапному порыву, Рауль схватил руку, скромно лежащую на *белоснежном* платье, и поцеловал её.

Больше всего ему захотелось сдернуть с ладони Марлены перчатку, чтобы она почувствовала жар, исходящий от его губ, а сам он коснулся её нежной, словно гаренийский шёлк, кожи, но он не хотел смущать её.

Отстранившись и заметив на лице Марлены тень улыбки, Рауль приободрился.

- Я что-нибудь придумаю, обещаю! – пылко заявил он. - Ты мне веришь?

Её открытый взгляд столкнулся с глазами Рауля.

- Я хочу верить. – прошептала Марлена. А потом снова перевела взгляд в пол. И сжала тоненькими длинными пальцами газовую ткань. - Но лучше нам пока не видеться... По ночам.

Рауль недовольно поджал губы, понимая, что она права.

«Что ж», - попытался приободрить себя он, - «Кое-что я могу и днем».

Только что он не хотел пугать Марлену, но теперь решил, что, в случае чего, она даст ему понять, если будет против. Мягко приподняв округлый подбородок Марлены, Рауль прижался губами к её губам. Нежные, влажноватые губы Марлены податливо приоткрылись, и Рауль почувствовал, как их дыхание одинаково сбивается, как они сами начинают пылать, словно вдруг стали с Марленой одним существом. Они впервые поцеловались несколько месяцев назад, но тогда скорее плюнули друг другу во рты, чем получили от этого удовольствие. Теперь было другое дело – поцелуй

казался самым прекрасным и самым вкусным из всего, что только бывает на свете.

Сначала Марлена целовалась неохотно, словно просто слушалась воли Рауля. Наверное, ей всё ещё было не по себе из-за матери. На через какое-то время страсть огнём сожгла все её страхи и слезы, и она стала отвечать Раулю не менее горячо, чем целовался он сам.

Стук тяжёлой трости и чуть более легких каблуков мужских сапог, что донёсся из коридора, театральным звонком закончил сцену их поцелуя. Рауль ещё не успел полностью понять головой, что кто-то идет, а его тело уже отстранилось от Марлены. Они достаточно хорошо научились скрываться за время их тайных свиданий, чтобы за считанные секунды из влюблённых превращаться в принца и принцессу, невинно щебечущих о всяких приличных вещах. Марлена тоже оказалась быстрой: не успел тот, кто прервал их, дойти до комнаты, а она уже повернулась к своему роялю и даже умудрилась начать что-то наигрывать. Сердце Рауля бешено колотилось где-то в горле, уши и щеки полыхали, но какая-то часть его умудрилась отметить, что теперь звучал совсем не «Романс о Слепой Чуме». Лёгкие, быстрые аккорды складывались в незатейливую, но весёлую песенку. Это заставило его вздохнуть с облегчением.

Снова Рауль вздохнул, когда увидел вошедшего. Будь это леди Карлотта, им бы не поздоровилось, несмотря на меры предосторожности: они с Марленой стояли теперь достаточ-

но далеко друг от друга, но оба были *красными*, и мачеха наверняка догадалась бы, что это значит. Однако в дверном проёме появился лысеющий белоглазый человечек с брюшком и круглым лицом. Слепой – значит, бояться нечего, тем более что Рауль теперь никуда не бежал. Это был месье Ришар, его учитель.

- Ваше Высочество, - почтительно произнёс он, ударив сапогом об пол – ардийский жест вежливости, такой же, как пазахийские и корнерлендские поклоны. Рауль поспешно, наверное, слишком поспешно ответил ему тем же. Домашний ботинок топнул совсем тихо, в отличие от каблука. – Его Величество требует вас в Зал собраний Учёного Совета.

Глава седьмая

Когда Рауль достаточно подрос, чтобы облазить весь Авельский дворец – пожалуй, даже те места, куда лазать не следовало, - он мысленно разделил его на три части.

Первая часть была «Домашняя». Именно в ней он находился, придя к Марлене. В неё входили покои всех членов королевской семьи с гостиными, спальнями и кабинетами, классы для учёбы, столовые и даже огромная зала на первом этаже, где Рауля учили фехтованию, а остальные жители дворца тренировались в боевых искусствах в свободное от его уроков время. Кажется, именно в этой части Рауль родился. Здесь он ел, спал, учился, занимался всякой ерундой и вообще проводил большую часть времени. Здесь он мог не думать о том, что надо надевать перчатки и жаркую неудобную одежду и повсюду таскать с собой трость. Здесь было уютно, *светло* и очень свободно.

Вторую часть Рауль называл «Интересной». Когда он показал её Марлене, она сказала, что эта часть похожа на *музей*. Рауль не понял, что она имеет ввиду, но потом Марлена объяснила – оказывается, в Пазехии существуют дома, куда свозят всякие древние штуки, и люди ходят на них поглазеть. В Ардии, понятное дело, такого быть не могло. Вероятно, именно из-за этого древние диковинные подарки, кото-

рые посылали ардийскому королю или привозили с собой его гости, а также слишком дорогое и любопытное старье складировали в отдельных коридорах и залах дворца. Чего тут только не было! Расшитые ковры из Гарении, древнеардийские рыцарские доспехи с оружием, загадочные растения и музыкальные инструменты с разных уголков мира, *картины* и странные пазехийские географические карты – не объемные, как в Ардии, а плоские. В одном зале с пола до потолка гигантскими стеллажами возвышалась даже библиотека с заморскими книгами, где на странных тоненьких страницах чернилами и краской были выведены тысячи разных фактов и историй. Когда-то Рауль глядел на них с тоской, понимая, что, несмотря на зрение, едва ли сможет их изучить. Теперь Марлена немного учила его читать по-пазехийски, также, как когда-то научила названиям цветов. Рауль с нетерпением ждал момента, когда его знаний станет достаточно, чтобы начать осваивать пазехийскую часть библиотеки. Пока он прятал под подушкой тоненький томик детских сказок народов мира на этом языке, каждый вечер сражаясь с причудливыми закорючками, чтобы узнать очередную историю о храбром путешественнике, спасающем свою принцессу рыцаре или наделенном человеческими качествами волке.

Рауль бы не вылезал из «Интересной» части, если бы мог. Однако в какой-то момент он понял: взрослые могут догадаться, что он зрячий, способный оценить все те вещи, которые стоят в прохладных комнатах. Его бы едва ли повесили

(довольно двулично, ведь зрячих ардийцев-не-принцев казнят), но отцу сказали бы точно. И ему приходилось делать вид, будто он забрёл сюда случайно или совсем от скуки, и гулять по извилистым коридорам ровно до того момента, пока в них не появится кто-то ещё.

Третья часть была «Рабочей». Только сюда допускали тех, кто не живёт во дворце, здесь же отец Рауля, собственно, служил – то есть правил. Рауль заходил сюда всего пару раз, и больше не горел желанием возвращаться в «рабочую» зону: прямые *тёмные* коридоры навевали тоску, тихие кабинеты, казалось, насквозь пропахли приглушёнными разговорами, от которых тянуло в сон. Рауль порой с ужасом думал о том, что рано или поздно ему тоже придётся сидеть в одном из залов, выслушивая отчёты министров и принимая решения разных проблем. И вот теперь отец звал его в Зал собраний Учёного Совета – одно из самых главных «рабочих» мест.

- Зачем отец вызывает меня? – спросил Рауль, следуя за Ришаром из гостеприимных комнат Марлены, по-девичьи милых и по-пазехийски обустроенных так, чтобы глаз радовался, в суровую и рабочую середину дворца. В ней Рауль со своими домашними туфлями и без трости чувствовал себя чуждым, как если бы оказался голым посреди полной зрячих улицы. Ришар в своём мундире – напоминании о былой службе – выглядел здесь куда более своим.

- Его Величество полагает, что вас пора приучать к делам политики, - сдержанно ответил Ришар, не сбавляя темпа. –

Он сказал, что сегодня на Учёном Совете будут обсуждаться весьма любопытные вопросы.

Рауль скривился, будто съел что-то горькое, и с трудом удержался от зевка. Знал он их, эти «любопытные вопросы». Отец рассказывал ему, что обсуждают на Советах. В Авеле казнено столько-то зрячих; такой-то учёный создал новый вид оружия, поражающий на такое-то расстояние; внешняя разведка передала такие-то сведения, а внутренняя узнала о том-то — конечно, всё это без красочных описаний приключений, и сведения эти звучат как пересказ обыденной жизни совершенно незнакомых Раулю людей; ард поднялся на столько-то процентов, а кинель на столько-то упал; из-за неурожая эти продукты поднялись в цене, а те — опустились, и короне следует купить то-то, чтобы потом выгодно поставлять другим странам. Невыносимая скука. Говорить с Марленой, читать, да даже учить языки с математикой или тренироваться с рапирой и саблей было в сто раз интереснее! Настроение Рауля, чуточку поднявшееся после поцелуя с Марленой, тут же опустилось. Сколько же будет идти этот дурацкий Совет? Час? Два? Больше? И отпустит ли Рауля отец пораньше или будет держать до конца?

В тоскливых мыслях, затуманивших голову подобно тяжёлым грозовым тучам, Рауль не заметил, как оказался перед двумя огромными дубовыми дверями. Два стража в одинаковой по фасону и разной по цвету, потому что ардийцы не следили за этим и покупали у пазахийцев все ткани под-

ряд, одежде стояли по бокам, глядя в пустоту слепыми глазами. Рауль знал их с детства, но идеально-прямые фигуры и длинные, остро отточенные алебарды в крепких руках – дань древности – наводили лёгкий страх.

- Его Высочество Рауль Д'Альвар, Его Сиятельство Жак Ришар, - представил себя и своего ученика-принца Ришар. Стражники с поразительной синхронностью стукнули каблукми. Отвечать людям их ранга было необязательным, хоть и вежливым жестом, который мало кто делал, но Рауль быстро стукнул в ответ. Выражения лиц стражников не изменились, но Раулю хотелось надеяться, что им было приятно уважение принца.

Также синхронно стражники взяли за округлые золотые ручки и потянули их на себя, отворяя двери. Рауль замешкался, но, заметив, что Ришар ждёт его, поспешно вошёл.

Ему открылся вид самого важного кабинета Ардии, в котором Рауль прежде не бывал. Здесь решалась судьба всего ардийского народа.

Рауль уже привык разочаровываться в людях и местах, которые считались великими и всеми обсуждались. На поверку места часто оказывались весьма скучными и ничем не примечательными, а люди – невзрачными, что голосом, что лицом похожими на тысячи остальных. Однако Зал собраний оказался... весьма недурственным. Пожалуй, даже достойным того, чтобы в нём заседали самые умные и талантливые люди Ардии.

Это был длинный, просторный зал с огромными окнами – то ли для воздуха, то ли для иностранных зрячих гостей. На ковре *багрового*, как кровь или авельское вино, цвета, что покрывал пол, почти во всю длину комнаты стоял огромный стол *тёмного* дерева. На столешнице в изобилии лежали бумаги, сильно отличающиеся от пазехийских и бумаг других «зрячих» стран – те были плоские, очень тоненькие, почти как ткань, а ардийские представляли собой дощечки с особым веществом, похожим на глину. Одни были свежие и мягкие, для письма, другие – с уже застывшими вырезанными буквами, для чтения. В центре стола возвышались несколько карт, которые сразу приковали любопытный взгляд Рауля. Наверняка редчайшие вещицы, сделанные по заказу отца: большие, не только с объемными буквами ардийского алфавита, но и с узорчатыми крохотными лесами, дворцами, стратегически важными объектами и водоёмами. Любо-дорого не только пощупать, но и посмотреть. Рауль сразу узнал и карту родной Ардии, и мировую, и карты других стран.

Стол окружали стулья с высокими резными спинками. Рауль насчитал двадцать три – на один больше, чем число членов Учёного Совета. Десять с одного бока стола, одиннадцать с другого, и по одному во главе. Сейчас несколько стульев оставались свободными, хотя, судя по всему, Совет уже начался.

Быстро окинув взглядом обстановку, Рауль взгляделся и в

лица членов Совета. Несмотря на то, что на собрании он был впервые, большую часть этих людей он уже знал. Видел на всевозможных мероприятиях, которые ему приходилось посещать, как принцу. Всякий раз отец представлял ему этих людей, и в конце концов Рауль их запомнил – и по голосам с именами, как следовало, и в лицо, потому что был зрячим.

Во главах стола, понятное дело, сидели король и королева Ардии, отец и мачеха Рауля. Марлена с самого своего приезда говорила Раулю, что он очень похож на отца. Сначала тот не мог взять в толк, почему она так считает: в Ардии схожесть определяли по голосу и телосложению – единственным вещам, которые могли услышать или ощутить чем чувством, что им оставила Слепая Чума и что называлось осязанием на расстоянии. Рауль был долговязый, худой, сколько ни корми, и очень нескладный. Голос же его только-только начинал ломаться с тонкого мальчишеского на мужской. По меркам Ардии его можно было назвать полной противоположностью отца – высокого, широкоплечего, подтянутого мужчины с прекрасной осанкой и идеальной военной выправкой, говорившего мягким бархатным басом, словом, короля в лучшем смысле этого слова.

Однако Марлена потом объяснила ему, что в других странах схожесть по голосу и строению вторична. В первую очередь смотрят на цвет глаз и волос, черты лица. Рауль не сразу научился замечать подобные сходства, но постепенно понял, что юноша, которого он видел в зеркале Марлены, и прав-

да имеет много общего с отцом. Те же большие глаза, только у отца они были пустыми, а Рауля – *зелёными*, те же тонкие прямые рыжие волосы, тот же лоб, по форме похожий на сердечко, овальное лицо и самую чуточку длинный нос. Отчего-то, когда Рауль это заметил, его разобрала странная гордость. То ли приятно было оказаться похожим на человека, который читал ему в детстве сказки, несмотря на занятость, и всегда был примером для подражания, то ли какая-то часть Рауля все-таки сомневалась в том, что в нём течёт кровь Д'Альваров. Ведь не может же быть в королевской семье такого позора – один наследник, и зрячий! Оказалось, впрочем, что может...

В отличие от ардийских короля и принца, леди Карлотта и Марлена друг на друга не походили по меркам всех стран. Среднего роста, крепкая, загорелая леди Карлотта тридцати четырёх лет от роду, с холодным взглядом *чёрных блестящих* глаз и носом с горбинкой рядом с дочерью, полностью пошедшей в белокурую голубоглазую породу Русполини, выглядела, словно могучий дуб, грозно возвышающийся над ромашкой. Рауль быстро отвёл взгляд, стоило только почувствовать, что грозная мачеха, вся в изумрудах и в *зелёном* бархатном платье, смотрит на него. Отчего-то ему всё время казалось, что именно Карлотта обязательно выдаст его секрет – зрение. И каждый раз, видя её, он молился всем восьми Ликам Зрячего Бога, чтобы этого не случилось. На самом деле, выдать его мог кто угодно, и Рауль удивлялся, отчего

этого не сделал какой-нибудь достаточно знатный иностранец-зрячий, но пока все молчали, и он радовался этому подозрительному, вообще-то, милосердию придворных.

По левую руку от отца место было свободно – наверное, оставили для Рауля. По правую же сидел человек, тоже очень схожий с отцом, на сей раз почти по всем параметрам. Их можно было бы счесть за близнецов, только человек этот родился на шесть лет позже, а ещё отращивал усы. Усы эти в Ардии никто не мог видеть, включая их обладателя, а пощупать была бы способна разве только жена, если бы он не был холост, но про них во дворце, где все брились, ходили целые легенды. Отец как-то шепнул Раулю, что правдивой была легенда про Корнерленд. Мол, когда-то за него должна была пойти Её Высочество леди Кэтрин, принцесса Корнерленда, которая страсть как не любила усарых. А потом она вместе со своим отцом-королем взяла, да и отменила свадьбу. И усы были такой вот мстью, которую леди Кэтрин, конечно, вряд ли увидит. «Он был в неё влюблён», - догадался Рауль, и отец плутовато, совсем не по-королевски ухмыльнулся. «Когда я ему об этом сказал, он мне чуть челюсть не сломал. Определенно, он был в неё влюблён», - согласился он. Конечно, отцу было лучше знать, ведь усаый человек был префектом Авёля, герцогом Кристофом Д'Альваром, или попросту дядей Крисом, младшим братом короля.

Места дальше занимали министры. Ленивый, толстый, с шевелюрой цвета соломы – Гаспар де Фело, министр ино-

странных дел. Мрачный, неприятный, *черноволосый* мужчина с сильным телом и умными, злыми и, самое пугающее, зрячими глазами, – Элиас де Юстус, министр соверии. И ещё министр, и ещё, и ещё.

Все они не просто так попали на свои должности. Учёный Совет на то и Учёный – отец не хотел абсолютной монархии и считал, что власть в изначально ослабленной слепотой стране должна опираться на ту силу, какую у Ардии не сможет отнять никакая болезнь. То есть на науку. Одним из нововведений последних двух десятилетий была выдача герцогства и графства за стратегически важные открытия и научные работы, другим – что в сословно-представительный орган власти, Учёный Совет, может попасть только герцог, получивший звание не потому (или не только потому), что оно ему досталось по праву рождения в семье префекта или учёного, но и за счёт своих успехов в той или иной науке. Де Юстус, кажется, был историком, стратегом и немного биологом, хотя Рауль не понимал, как можно совмещать такие разные науки, а де Фело – лингвистом. И, конечно, каждый из них ещё разбирался в политике, иначе едва ли смог бы подняться так высоко.

Оглядевшись, Рауль понял, что знает всех людей в зале, кроме одного. Этот один нерешительно стоял в стороне, у окон, и солнечный свет за его спиной мешал разглядеть черты лица. Он, кажется, был полноват и невысок. Судя по одежде – из какой-то провинции, а судя по понурой осанке

– очень несчастен.

Пока Рауль подмечал все эти детали, события, вполне логичные для его появления, развивались своим чередом. Ришар негромко сказал королю, что привёл Рауля, и тот постучал по столу около пустого стула, призывая сына сесть на него. Пока Рауль подходил, отец обратился к присутствующим:

- Господа, надеюсь, никто не против того, чтобы на сегодняшнем собрании присутствовал мой сын Рауль. Думаю, ему будет весьма интересно и полезно послушать, о чем мы будем говорить. Прошу вас вести себя как обычно.

Ответом последовало многочисленное «конечно, мессир» - так обращались к Его Величеству в лицо – и нестройный глухой топот десятков тихих дорогих сапог по ковру. Смущённый и притихший в таком важном месте Рауль скромно ответил несколькими ударами. Сел он на самый краешек стула.

Отец, кажется, почувствовал его напряжение, потому что нашёл его ладонь под столом и крепко сжал ее. От этого волнение, вдруг охватившее душу ледяными пальцами, немного отступило. Подавив вздох, Рауль сел немного удобнее и приготовился слушать, отчаянно надеясь, что это будет не слишком скучно и непонятно.

- Ну что ж, начнём, - заговорил отец. – Прежде всего, господа, мне хотелось бы представить вам человека, который прибыл сегодня в Авель в связи с последними событиями.

О них все вы, конечно, осведомлены.

Скука и беспокойство Рауля сменились любопытством. «Я не осведомлён», - хотелось сказать, но он прикусил язык. Авось, поймёт из дальнейшего разговора. Или потом у отца спросит.

Незнакомец приблизился к столу и топнул. Ему ответили тем же.

- Это месье Андре де Менсон, префект провинции Бреборд, - представил господина отец.

Рауль ещё раз внимательно посмотрел на него. А сам шевельнул губами, беззвучно повторяя и только узнанное, и то, что он знал уже давно: «невысокий грустный толстяк – герцог де Менсон из Бреборда. Бреборд – на границе с Корнерлендом, разделён проливом Хо-Шот. Сельско-хозяйственный регион, обеспечивает страну мясом, молоком и овощами». И что же там случилось?

- Когда в Бреборд проникло несколько десятков вооружённых людей, сожгли деревню и порезали всех жителей, они убили также жену месье де Менсона, которая выехала в деревню на прогулку. Как, впрочем, и сопровождавших её приживалку и слуг. Соболезную вашей утрате, Ваша Светлость, - обратился отец уже к префекту. – Мне не довелось познакомиться с герцогиней, но уверен, что это была добрая женщина и верная жена. Да обретёт она вечное зрение в чертогах Зрячего Бога.

- Благодарю вас, мессир, - подал голос де Менсон. Совсем

тихо и очень печально.

У Рауля сжалось сердце. И кулаки, по правде сказать. Вот уж новости так новости! Ришар был прав, тут совсем не скучную экономику будут обсуждать. Какие-то люди пришли и убили кучу ардийцев! И жену префекта! Пусть Рауль их знать не знал, но уже чувствовал, как по телу щемящими волнами разливается сочувствие. Перед глазами тут же появились те крестьяне, которых Раулю приходилось видеть издалека во время выездов из дворца или когда те привозили что-то из еды на кухню. Они казались ему простыми добрыми людьми, совсем не заслуживающими смерти. А та леди... Ему представилась Марлена. Что бы он почувствовал, если бы её... Да нет, и подумать страшно. Рауль судорожно сглотнул горький привкус ужаса.

А отец продолжал.

- Месье де Менсону стоит отдать должное. Несмотря на горе, узнав о случившемся, он тут же отправился в Авель, чтобы подробнее рассказать, как всё произошло. Ваша Светлость, если вы не против, займите место месье Колиньи или месье Шарбонье. Четыре шага налево или шесть направо. Кстати, где они?

- Месье Колиньи пришлось уехать вчера вечером по важному делу, - подал голос, низкий, ледяной, с лёгкой хрипотцой, де Юстус, пока де Менсон садился на один из пустующих стульев. - Я отослал его, мессир. Надеюсь, вы не будете против. Дело не требовало отлагательств, и я не смог поста-

вить вас в известность.

Рауль, с трудом поборов страх перед министром соверии, покосился на де Юстуса. Куда, интересно, он отослал Колиньи?

Последнего Рауль тоже видел пару раз. Артур Колиньи был самым молодым членом Учёного Совета, а его историю Рауль мог бы назвать самой любопытной. Колиньи было всего двадцать шесть, когда он совершил какое-то гениальное открытие в области химии – Рауль не помнил, какое точно, потому что не был силён в этой науке, но помнил, что тогда об этом писали все газеты: и ардийские большие доски, и пазахийские того же размера листы. За своё открытие Артур, происходящий из семьи графа, получил герцогство. Ещё через два года умер министр здравоохранения, и Колиньи стал одним из тех, кто баллотировался на этот пост. Выборы проходили между всеми членами Учёного Совета, кроме короля и королевы. За Артура и ещё одного кандидата было одинаковое число голосов. Решающим стал голос Элиаса де Юстуса – именно он выбрал Артура. После все гадали, почему он отдал предпочтение менее зрелому и знатному химику, но ответа на вопрос так и не получили. Де Юстус был слишком закрытым, слишком «себе на уме», и друзей, способных выболтать его цели, при дворе не имел. С тех пор прошло ещё два года, и шепотки по углам поутихли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.